

Прогулки по старому Чкаловску

Оглавление

От седой старины к дням недавним	3
Базар	8
Старинные улочки	15
Подлужье	25
Воскресенская гора и Нагорная улица	31
Покровская гора. Нижний остров	44
Речка нашего детства	50
Новое и старое	57
Щи да каша – пища наша	64
Говор. Наряды	70

*Прогулки
по старому Чкаловску*

Где Волга несла свои воды привольно,
Там пресного моря шумит оком.
Посмотришь на море – и вспомнишь невольно
О годах былых, про былое житье.
И смутно забрезжит сквозь мглу и сквозь волны,
Как сон, затонувшее детство твое.

От седой старины к дням недавним

Существует предание о том, как князь Юрий Владимирович Долгорукий плыл с дружиной по Волге в ладьях и, увидев местность, где стоял Малый Китеж и где он впоследствии поставил Городец-Радилов, был так поражен красотой этой местности, что встал посреди ладьи на колени и, кланяясь в пояс, стал молиться Богу.

Не знаю, молился ли Богу его сын князь Василий, увидев обширную площадь-террасу на мысу при впадении реки Санахты в Волгу, но и на него так же, как Малый Китеж на отца, это место наверняка произвело впечатление, коль выбрал он его для поселения своих воинов – дружинников.

Эта местность издавна была облюбована монахами, неведомо с каких пор они обосновали здесь не один, а целых четыре монастыря – два мужских, Покровский и Троицкий, да два женских, Вознесенский и Архангельский.

Потомки первых поселенцев, служилых людей князя Василия, занимались ремеслами, торговлей. Монахи молились Богу. С годами Василева слобода все более и более обретала облик торгового села. На берегу Волги лепились друг к другу белокаменные дома вперемешку с деревянными домиками ремесленников.

Но и в старинной Василевой слободе, и в поселке Василево главной коренной частью всегда был Базар. Отсюда, как дерево от корня, впоследствии, в обозримые уже времена, рос и все дальше и дальше поднимался вверх, в гору, поселок Чкаловск.

На самом мысу при впадении речки Санахты в Волгу еще на памяти старожилков города в 30-е годы стояла Вознесенская церковь. Ее в просторечии звали еще Базарской,

или церковью «на низу». Церковь Вознесения была летней, холодной, а рядом с ней в дореволюционное время стояла маленькая, теплая – церковь Анастасии Узорешительницы. Площадь вокруг этих церквей и часть примыкающих к ней улиц и называли Базарной, или просто Базаром.

Здесь зачастую прямо под открытым небом шла купля-продажа всех жизненно необходимых припасов и товаров. Торговали и под навесами прилавков, в лавочках и ларьках, будто ласточкины гнезда, прилепившихся к стенам дворов и домов, расположенных вокруг Базарной площади.

Здесь, может быть, уместно будет сделать небольшое отступление и заметить, что слово «рынок», кроме современного общеупотребительного, в старину в Поволжье имело еще одно значение. Так называли мыс, образованный при впадении малой реки в большую, независимо от того, торговали здесь или нет. Множество больших и маленьких поволжских городов и сел поставлено именно на мысу, или на рынке. Василевский рынок – Базар отвечал и этому забытому его значению.

Но вернемся к Вознесенской церкви. Она заслуживает того, чтобы сказать о ней немного подробней. Поставлена она была в 1755 году на том месте, где стоял женский монастырь того же имени. Все Василевские монастыри были закрыты нижегородским архиепископом Питиримом в 1764 году «за скудостию», то есть как очень ветхие. Летописцы Василева высказывали предположение, что стоявшая на самом берегу старая монастырская церковь, подмытая водой, сама сползла в Волгу еще до указа об упразднении монастыря.

Основанием к такому предположению послужило следующее обстоятельство. В начале 1900-х годов как раз в этом месте стояло несколько пристаней, и пароходам стало трудно причаливать к ним из-за недостаточной глубины.

Возникла необходимость производства дноуглубительных работ. И вот тогда-то работавшая здесь земмашина вычерпала со дна церковный сосуд – золотой потир, много старинных денег.

Предположение о смыве ветхой монастырской церкви к вероятным отнести нельзя, ведь и позже разливавшаяся во время половодья Волга зачастую заходила в самую ограду Вознесенской церкви.

Во вновь построенную церковь из монастыря перешли утварь, убранство, иконы. Гордостью Вознесенской церкви была особо чтимая икона Смоленской Божией Матери Одигитрии с богато украшенной ризой и надписью внизу: «Сей чудный образ принесен в Москву в лето 1504».

Икона, независимо от того, была ли она подлинной или копией с оригинала, несомненно, московского происхождения. Вознесенский монастырь был приписан к Московскому монастырю того же имени, где после низвержения Василия Шуйского подвизалась инокиней его жена, Мария Петровна, во владение которой и перешла Василева Слобода. Так что связи с Москвой были самыми прямыми, и икона могла быть дарована василевским монахиням или настоятелями Московского монастыря, или же самой опальной царицей.

Вознесенский приход в Василеве был самым первым, самым древним.

Стоявшая рядом теплая церковь, того же прихода Анастасиевская, построенная в 1797 году, была разобрана еще до революции. На ее месте планировалось построить новую церковь больших размеров, и строительство уже началось, но осуществить задуманное не удалось из-за начавшейся в 1914 году 1-й мировой войны.

В 30-е годы снесли и Вознесенскую церковь. Без этих двух церквей и Базар, да и весь поселок стали выглядеть будто бы обезглавленными. Но – что делать...

На том месте, где стояли церкви, поставили крытые деревянные прилавки – ряды. Туда же перенесли с улиц часть лавочек и ларьков. Торговля стала вестись как бы уже более упорядоченно. Расчистились улицы, где был прежний Базар. Саму эту площадь назвали после революции Советской, но мало кто ее так называл, а больше все по старинке – Базар да Базар.

Ну, а теперь давайте взглянем на карту поселка, посмотрим, как же он выглядел до затопления. Конечно же, самой главной улицей, связывавшей поселок с остальным миром, была Волга. Со стороны Базара, обращенной к Волге, стояла пристань, от нее сходили вели прямо к съезду, что поднимался на Базарную площадь. Здесь же, у берега, ставили баржи с хлебом, кирпичом и прочими грузами. С противоположной стороны, со стороны поселка, к Базару сходились все самые главные улицы, и он был как бы узлом, стягивающим их, как нити. Можно сказать и по-другому – от Базара, как от источника света, улицы расходились подобно лучам. Многие старинные русские селения и города строились именно по такой вот лучевой схеме.

В левую сторону от Базара по низовой части поселка шла улица Чкалова. До конца тридцатых годов она называлась Большая, и название это было оправдано, потому что и в самом деле она была самой главной да, наверное, и самой красивой улицей. Мощеная булыжником широкая дорога, что проходила посредине улицы, выйдя за пределы поселка, так же оставалась мощеной и так же называлась Большой и тоже вполне справедливо – шла она аж до самого Нижнего Новгорода, или до Горького, как хотите назовите. За дорогой

по левую сторону протекала речка Санахта. И Большая улица, и Большая дорога попали под затопление.

Вторая улица, улица Клубная (ныне улица Пушкина), была началом еще одной нити, связывающей поселок с остальной округой. Поднявшись на взгорье от Большой улицы, она начиналась около клуба им. Я. Петрова (ныне техническая школа), от него и получила свое название. Эта улица тоже была мощеной и шла от клуба до деревни Липовская (ныне ул. Мичурина). Затем дорога, минуя Баклово (ныне ул. Байдукова), шла на Сицкое и далее везде.

Улицы Завражная и Базарный переулочок (до недавнего времени ул. Папанина, а ныне ул. Белинского) такого значения, как первые две, не имели, но и они вели к Базару. Мощеными они не были, потому что здесь проходил овраг. Овраг никуда не делся и сейчас. Полностью сохранились улицы Тесная (ныне ул. Маяковского) и Нагорная (ныне ул. Чкалова). Они тоже были одними из главных улиц поселка, обе были мощеными. Тесная соединяла с Базаром рабочий поселок завода им. Ульянова (Ленина), Нагорная, с 1955 улица Чкалова, вела к затонскому съезду, а далее к деревне Зманово.

Вот эти пять главных улиц – Большая, Клубная, Завражная с Базарным переулочком, Тесная и Нагорная, расходясь веером от Базара, стрелами пронизывали весь поселок до его границ. Другие же улицы – Звездинка (затоплена), Халтурина, Воровского и так далее – как ступеньки лестницы поднимались по взгорью параллельно Волге. Они были как бы перемычками между главными улицами.

Эта строгая геометрия со временем нарушалась, потому что поселок, разрастаясь, захватывал уже и близлежащие деревни – Липовскую, Баклово, Зманово и другие.

Ну, так, а что же все-таки утрачено, что осталось под водой водохранилища? В первую очередь, и что самое пе-

чальное, затоплена Большая улица, или улица Чкалова. Ведь именно она с ее старинными купеческими домами и магазинами определяли лицо Василева – Чкаловска. Естественно, оказались затопленными и те улицы, что были за ней и шли по направлению к Волге. Это улица Звездинка, улица реки Волги, Тихий переулок, Журчащий переулок, улицы Речная, Ильинская, Луговая. Слышите, какие ласковые, поэтичные даже, можно сказать, названия были у этих василевских улочек?

Наконец, затоплена Базарная, или Советская площадь со всеми расположенными вокруг нее зданиями, магазинами.

Затопленная часть поселка, может, и не так уж велика по сравнению с оставшейся. Но ведь это было место коренного, изначального поселения, здесь, на этих улицах, наглядно была видна и сама собою читалась вся история Василевой слободы.

Ну, вот и нарисована, хотя, конечно же, очень схематично, словесная карта старого Чкаловска. А теперь оставим топографию, отдохнем от названий и просто пройдемся по Базару, по улицам, которых больше нет.

Базар

В воскресный день с самого раннего утра по Большой улице, по мощеным съездам с улиц Клубной, Тесной, Нагорной, будто вода в вешний день, шумливо и весело стекался к Базару чуть ли не весь василевский люд. Да и не только василевский – приходили и приезжали сюда с торгом жители окрестных и дальних деревень, приезжали даже из-за Волги, из деревень Ковернинской, Городецкой округи.

Иные шли что-то продать, иные что-то купить. А многие шли на Базар просто так, как тогда говорилось – людей посмотреть да себя показать.

Бабы обойдут весь Базар, все-то магазины облазят, все-то куски мануфактуры перещупают, ко всему приценятся – это в какую цену, да это в какую. А если уж какая из них встретит троюродную сестру или мужнину свояченицу из дальней деревни, разговорам и пересудам нет конца.

Мужики, если уж и не по делу, так шли поглядеть, чем живет честной народ, выпить кружку-другую пива или чего покрепче, выкурить со сватом или кумом сигарку табачку.

На Базаре в рядах за деревянными прилавками торговали мясом, молоком, овощами, зеленью, разным тряпьем и рухлядью, то есть всем тем, чем торгуют на всяком рынке. Но на Базаре послевоенного времени можно было увидеть и такой такие типы и сцены, каких, сейчас уж не увидишь.

На Базаре можно еще было купить и веретено, и прядильный гребень, и донце, и гребешок. Все эти предметы обихода быта, сделанные с большим тщанием и искусством, безвозвратно ушли в прошлое. Кому нужны сейчас веретено, прядильный гребень, донце? Где их можно увидеть? Разве что в глухой деревне у бабушки на чердаке, да еще в музее. Позабылось даже само назначение этих предметов. Вот упомянул гребешок. Вроде бы, эка невидаль! Но в наше время он и впрямь невидаль. Была в народе такая поговорка: «Без инструмента и вошь и убьешь». Так вот, этот гребешок и служил именно для такой надобности, им женщины в свободную от дел минуту «искались», расчесывая волосы прядь за прядью, выискивая друг у друга вшей, насекомых в военные и послевоенные годы далеко не редкостных. Гребешок был двусторонним, на одной стороне зубчики покрупней, на другой помельче, а делался обязательно из кле-

Василевский базар. Конец XIX века

на, на другой породе дерева нельзя уже было нарезать такие мелкие, в доли миллиметра, зубья.

Из-за Волги, из лесных ковернинских деревень, привозили на базар ловко, на старинный манер стянутые ивовыми обручами бочки, кадки, ушаты. Матовой медовой желтизной светились на солнышке долбленные из липы мучные лотки, корыта для рубки начинки в пирог, сита и решета. И все это покупалось, все это пользовалось спросом. Не зря же пелось: «Надо бабе решето, надо бабе сито». Ну, а если надо бабе корзину, тоже – пожалуйста. На любую потребу, на любой вкус – от двурушной до совсем маленькой, с кулак величиной, ягодной. А кроме этого, продавались корзины с крышкой и бельевые, мерошные и маленошные, из неочищенного тала и из вареного...

Большим был выбор и деревянной крашенной посуды – ложки, уполовники, чашки, миски, плошки. А каким богатым был ассортимент исконно василевской посуды, накрученной из глины на гончарном круге! Кроме тех

горшков, что и сейчас еще можно увидеть на нашем рынке, можно было купить и высокие, объемистые корчаги для браги и кваса, квашню для замеса теста, миски и плошки разного фасона и назначения. А еще квасники, крынки, кашники, кисельницы...

О каждом из этих изделий можно было бы написать похвальное слово, но это заняло бы много места и увело в сторону от основной линии рассказа.

Торговля на Базаре имела сезонный характер. Никому в голову не приходило, скажем, привезти грабли в сентябре, а плетенные санки в мае. И вот по весне, когда сходил снег, когда наступало время ребячьих игр, появлялись на Базаре знаменитые василевские дудочки – раскрашенные глиняные свистульки, сделанные в виде птичек, барашков, лошадок. По бокам свистульки были сделаны две дырочки, их надо было зажимать поочередно, и еще одна – чтобы дуть. Внутри свистульки закладывалась горошина. Сколько радости доставляли малышам эти дудочки, первые вестники весны!

В это же время продавались на Базаре и каталки на палочках и на колесиках. Катится каталка по земле, крутятся колесики и сами приводят в движение то размещенные по бокам меленки, то фигурки двух барынь, то крылья нарядной бабочки. У девчонок большим спросом пользовалась игрушечная и тоже ярко раскрашенная мебель для игры в куклы – столики, стульчики, кровати, диванчики, трюмо.

На базаре можно было купить игрушечную балалайку и игрушечную гармонь.

В воскресный день по Базарной площади неторопливой поступью ходил дедушка Фролов. Он продавал с лотка сладости, самодельные конфеты – раковые шейки, гусиные лапки, ландрин, петушков на палочке. Дедушка Фролов был похож на Деда Мороза – румяные щеки, красный нос, белая борода. Только одет Дед Мороз был по-летнему – в синюю

косоворотку, подпоясанную ремешком, на голове старомодный полотняный картуз, на носу очки в металлической оправе. Конфеты, петушков дедушка Фролов делал сам и с большой радостью, подобно Деду Морозу, одаривал ими ребятишек совсем за малую плату, а то и за так.

На входе на Базарную площадь иногда появлялся щедушный серенький мужичок, у него за рубль можно было узнать свою судьбу. Перед ним стоял длинный ящичек с конвертиками, а из ладони высовывала хитрую мордочку морская свинка, зверушка, похожая на хомячка. Заполучив рубль, мужичок выпускал морскую свинку погулять по ящичку, и она вытаскивала зубами один из конвертиков. Раскрыв его, можно было прочитать, узнать, что сбудется в жизни с тобою.

А однажды на Базаре среди обычной, привычной публики появился настоящий китаец. Он продавал вырезанные из тонкой цветной бумаги шары, фонарики. В сложенном виде его изделия были плоские, но стоило только развести в стороны и опять сложить две палочки, которые были приклеены к вырезке, как из нее получался замечательный нарядный шар или чудесный фонарик, или сказочный дракон. Даже и сейчас удивительно – как занесло этого китайца в нашу глухомань, а тогда и совсем было уму непостижимо.

Алебастровые раскрашенные кошечки и собачки, картинки на клеенке – пышногрудая дама у пруда, а в пруду два белых лебедя – все это воочию можно было увидеть на нашем Базаре послевоенной поры.

Со стороны рынка, обращенной к Волге, была коновязь для привязи лошадей. Огольцы из тех, кто пошустрей, крутились около нее, выбирая момент, чтобы отхватить ножичком часть сыромятной ременной упряжи. Уж больно хороши из таких ремней получались крепления к лыжам, к

Старое Василево. Конец XIX века

конькам. Здесь же, у берега, стояли скамейки. На них степенные василевские мужички любили посидеть, выкурить сигарку-другую самосаду, поговорить о жизни. Отсюда хорошо был виден волжский плес, проходящие и пристающие к пристани пароходы, заволжские дали.

Но вот около мужичков появлялся базарный бомж козел Митька. Требуя покурить, он начинал бодаться, тем самым нарушая их мирную беседу. Митькина грязно-желтая шерсть, вонючая, вся в шишках репейника, свисала с боков, будто пакля.

Любил Митька покурить. А все началось с того, что подвыпившие мужики как-то шутки ради сунули козлу в зубы недокуренную сигарку, и Митьке, видимо, это дело пришлось весьма по душе. С тех пор, учуяв запах самосада, козел подходил к курильщикам с тылу и требовательно тыкал рогами кого-нибудь из них под зад. Если покурить не давали и прогоняли, Митька, отойдя на расстояние, с разбегу поддавал под зад уже довольно внушительно. Мужикам ничего другого не оставалось, как свернув сигарку толщи-

ною в палец, сунуть ее козлу в зубы, и тогда он отходил удовлетворенный, после чего, пуская из ноздрей зеленые клубы дыма, с важностью шествовал меж почтенной базарной публики.

Если выходящая к Волге часть рынка была открытой, то по другим его сторонам по периметру площади, тесно прижавшись друг к другу, стояли крохотные ларечки и лавочки, где продавалась всякая мелочь. В одном – нитки, пуговицы, наперстки, иголки, булавки. В другом – дешевенькие конфетки, медовые и шоколадные подушечки, помадка, леденцы, пастила, пряники. Был ларек, где продавались богородские кожи и хром для пошива сапог и туфель. У мужской части населения поселка весьма популярен был так называемый чапок Никанорыча, а находился он все тут же, на берегу на Базарной площади. Здесь можно было не спеша выпить кружку, а то и не одну, правильного пива с правильной же воблой.

Никанорыч, маленький, лысый, толстый, но очень расторопный человек, был одной из самых колоритных фигур старого Чкаловска и как бы уже его неотъемлемой частью. Дело у него шло ходом, пиво было всегда свежим, астраханская вяленая вобла в рогожных мешках не переводилась.

Ну, а для любителей выпить чего покрепче и закусить повкусней, для тех, у кого в кармане было не пусто, к их услугам существовал ресторан. Водочку под белой головкой там подавали в графинчике, а под водочку – разварную стерлядку под хреном.

Из дверей ресторана всегда исходил такой чудесный, такой неопишимо вкусный аромат хорошей кухни, что у нас, ребят-голодранцев, только слюни текли, когда проходили мимо.

И вот, наконец, накопив аж по целых три рубля, мы, четверо босых пацанчиков, поднялись по крутой лестнице с точеными пилястрами на второй этаж в залу ресторана. Официантка, окинув нас взглядом весьма критическим – пускать или не пускать? – все же забрала наши замусоленные трешницы, сунула их в карман белого кружевного передника и через минуту-другую принесла нам по большой румяной плюшке и по стакану чая в подстаканниках. Плюшки были вкусны, и все же мы были слегка обескуражены и разочарованы. Ведь мы ожидали, что нас на три рубля накормят до отвала, а главное, накормят чем-то совершенно необыкновенным, чего никогда не видывали и не ели.

Старинные улочки

На базаре располагались не только магазины, а и все другие жизненно важные организации и учреждения поселка. Туда шли за любой житейской надобностью. У нас, у ребят, конечно же, не было нужды идти, скажем, в редакцию или Госбанк, но и мы ходили на Базар довольно часто. На Базаре был хлебный магазин, культтовары, за Базаром была пристань, Волга. А далее – Гора, купальня. Это все были уже наши «объекты». Начинался наш путь на Базар с Клубной улицы. Хотите пройтись вместе за компанию? Пойдемте.

Первым зданием, обращавшим здесь на себя внимание, был клуб имени Я. Петрова. В послевоенные годы это здание не было еще изуродовано и внешне сохраняло свой первоначальный вид. По рассказам старожилов, дом этот был построен незадолго до революции купцом Малыгиным в качестве приданого своей дочери. Дом был одним из красивейших зданий в поселке, хотя в это сейчас трудно поверить. Архитектурно он был поделен на две половины ко-

лоннами парадного входа, одна половина предназначалась для магазина, другая для жилья. Дочери купца в доме пожить не пришлось, вскоре после свадьбы она умерла. После революции некоторое время дом пустовал, а потом его отдали под рабочий клуб. На той половине, где предполагалось быть магазину, сделали зрительный зал и сцену, а в другой разместились библиотека, комнаты для кружковой работы.

В 20-е, 30-е годы вся культурная жизнь поселка была сосредоточена именно здесь. Отсюда начался путь в большую жизнь профессора ВГИКа, заслуженного художника России С.М. Каманина. Он здесь, будучи совсем молодым пареньком, вел изостудию, а потом получил рабочую путевку в художественное училище.

После постройки Дома культуры имени В.П. Чкалова значимость клуба упала, и он был упразднен. Здание занимали то больница, то детский сад, а потом кто только не занимал. Дом дважды горел, «радением» все новых и новых хозяев был «реконструирован» до неузнаваемости.

За клубом начинался спуск к улице Чкалова, и сразу же, с правой стороны, возвышалось довольно внушительное здание бывшей староверской церкви. Судя по сохранившейся фотографии, в то время, когда церковь была действующей, в ней было богатое убранство. По закрытии церкви ее переделали в клуб пионеров. В 1941 году здесь располагался штаб строительства оборонительного рубежа, а в послевоенные годы в церкви размещался промкомбинат – швейная и сапожная мастерские.

Давайте заглянем на минутку внутрь здания. Огромное помещение, высоченный потолок, столы для раскроя материала, одноногие безголовые манекены, по стенам картонные шаблоны выкройки. Стрекотание швейных машин. Хотите заказать костюм или брюки? Пожалуйста! К вашим услугам закройщики Потехин, Кровнов. Оба маленько «под

шафе», но хоть тот, хоть другой мерку снимут исправно. Через неделю придете на примерку, а через две костюм будет готов.

В отделенном перегородкой помещении чеботарят сапожники. Сидя на низеньких стульях-липках, знай себе, таскают туда-сюда варные концы, стучат молотками, забывая в подметку деревянные гвозди-шпильки.

Около церкви располагалось пожарное депо, а колокольня использовалась как каланча для обзора окрестностей поселка. Рассказывали такой случай. Один из караульных пожарных во время дежурства кемарил, кемарил, потом проснулся – видит: полнеба заревом, огнем охвачено. Подумал, что горит где-то, ну и давай звонить в колокол. Когда продрал глаза, оказалось, это всего лишь солнышко встает. А народ уже сбежался, подняли горе-караульного на смех.

Далее внизу, уже на улице Чкалова, была кузница, а работал там Александр Лазаревич Бакловский. В кузнице было все, что полагается – горн, мехи, наковальня. Дядя Шура ковал там незамысловатые бытовые вещи – ухваты, печные кочерги, скобы, щеколды, лудил кастрюли, ведра, самовары. Злые языки говорили, что Александр Лазаревич, прежде чем лудить самовар, опускал его в нужник для того, чтобы с прогоревшей трубы лучше сошла вся накипь и гарь. Но должно быть, это говорили уж просто, чтобы подъегорить. А так – дело свое дядя Шура знал.

Самое интересное, на что можно было здесь поглядеть, так это как подковывается лошадь. Рядом с кузницей был станок – четыре вкопанных в землю столба, куда и заводили лошадь для ковки. Столбы с боков были соединены перекладинами, а спереди и сзади в них просовывались через проушины засовы, и запертая там лошадь не могла не только лягнуть, но и пошевелиться. Нужная нога привязывалась к перекладине сыромятным ремнем, и после этого проводи-

лись все необходимые операции – зачищалось копыто, подбиралась и подгонялась по размеру подкова.

На другой стороне улицы находилась аптека, но мы с вами туда не пойдём, интересного там мало – клистирные трубки, спринцовки, пузырьки да запах, свойственный любой аптеке.

На съезде от Малыгиной горы стоял хлебный магазин. Он хорошо памятен и до сих пор, потому что около него в ожидании очереди проводили по многу часов. Коротая время, мальчишки играли где-нибудь в сторонке в жестку. Жестка – это заячий хвостик с прикрепленным к нему кусочком свинца. Подбрасывая эту штуковину вверх щечкой ноги, ребята соревновались – кто набьет больше.

Продавщицей в хлебном магазине работала Павлина Ивановна, добросердечная женщина. Она всем своим видом и мягкой спокойной речью лучше любого психотерапевта воздействовала на далеко не всегда спокойную толпу покупателей.

Мы миновали дом Шмаковых, и вот тут Большая улица делает крутой поворот вправо, к Волге. А на повороте с левой стороны стоит большое, солидное здание. Здесь исстари торговали горячительными напитками. Прежде здесь был трактир, но в народе его чаще называли казенка. У большинства затонских котельщиков, слесарей, токарей посетить казенку после получки было святым делом. И в послевоенное время это заведение сохранило свое название и назначение, но появилось у него уже и еще одно, более современное и звучное имя – Главспирт.

Зимою в базарный день у казенки понуро стояли прикрытые попонами лошадки, дожидаясь своих хозяев, пока там кто чайком грелся, а кто чем и покрепче. Чаще всего это были мужички с заволжской стороны, приезжавшие торго-

вать дровами, сеном. Знамо, намерзнешься за целый-то день, и погреться не грех.

Хорошо еще, что мы с вами для прогулки выбрали погожий летний денек. Вот нас обгоняет лошадка, колеса телеги весело постукивают по булыжной мостовой.

Если хотите, то можно догнать лошадку, вспрыгнуть на задок телеги и немного прокатиться. Не хотите? Ну и правильно. Это ведь, смотря какой извозчик, иной и кнутом переяголит. Да пешочком пройтись оно и лучше.

Лошадка нам встретится еще не одна, транспорт в поселке был преимущественно гужевым. И контора даже такая была, которая называлась «Гужтранс». Видите, рядом с казенкой здание с затейливым полукруглым картушем на крыше? Вот она там, эта контора.

Лошадка нам встретится, а вот автомобиля мы с вами, пожалуй, сегодня не увидим. Их всего-то в Чкаловске в те годы было два, ну, может, три. На одном из них работал дядя Паша Незамаев. Мальчишки взяли моду, катаясь зимой на снегурках, исподтишка цепляться за борт его машины железными крючками и потом сзади катиться с ветерком. Дяде Паше, конечно же, это не нравилось, и он со страшными ругательствами обрушивался на шпанцов.

Автомобилia мы не увидим, но где-нибудь да увидим сидящего на раскладном стульчике молодого человека с кисточкой и руке, с альбомчиком на коленях. Это художник Николай Маркин. Десятки акварелей и рисунков с видами улочек, переулков, уголков старого Чкаловска сделал он в годы перед его затоплением.

Не только Маркин, но и другие художники писали на улицах Чкаловска, но мы как-то по малости лет не обращали на них особого внимания. Бродя по улицам Базара, мы не замечали их красоты, не доросли еще до того, чтобы увидеть тут что-то особенное. Хотя, наверное, у этих улиц была ка-

кая-то свои, как бы сейчас сказали, аура, и она действовала на подсознание. Ведь что-то да манило нас сюда, как магнитом.

Но вот незадолго перед затоплением в Чкаловск приехали на практику студенты художественного факультета ВГИКа. Их к себе на родину привез С. М. Каманин, тогда уже преподаватель института. Целое лето они, прикорнув где-нибудь с этюдником или альбомом, изо дня в день писали красками, рисовали карандашом, выбирая самые, казалось бы, неказистые сюжеты – лошадку с хлебной фурой у дверей магазина, низенький домик под вековой раскидистой ивой, резной наличник окна, старый колодец с журавлем. И мы, уличные мальчишки-голодранцы, стоя за их спинами, наблюдая за их работой, ото дня ко дню все больше и больше начинали понимать, осознавать, что все это действительно красиво, что наш поселок уютен и пригож.

Мы увидели, что каждый-то дом имеет свой характер, свое лицо, и еще другого точно такого же больше нет. Рядом с белокаменными двухэтажными купеческими домами, которые занимали то Госбанк, то редакция газеты, притулившись к ним стояли совсем маленькие приплюснутые домишки, где раньше жили ремесленники. Были и двухэтажные дома, сложенные из векового леса, украшенные глухой корабельной резьбой. Очень распространен был в старом Чкаловске и такой тип дома – низ каменный, а верх деревянный. Такие дома и сейчас еще можно увидеть на улице Маяковского.

Не только общий вид, но и отдельные декоративные элементы бывших купеческих домов отличались разнообразием. Выложенные из тесанного кирпича карнизы, фризы, отделяющие один этаж от другого, картуш на верху кровли - во всем этом видна изощренность кирпичекладильного мастерства.

И так – каждая деталь. У одного дома крыльцо было с ажурным литым кружевом навеса и литыми столбиками, а у другого этот навес был кован из железных прутьев. Вот ворота, ведущие во двор дома. Они украшены затейливой резьбой, а по верху ворот идет ажурный пояс из просечного железа. Дымник трубы над крышей, воронка водосточной трубы, похожая на коре ну, да даже какая-нибудь дверная ручка или щеколда ворот, кованая в виде уточки или завитушки – все было сделано с выдумкой, с фантазией. Железные, массивные кованые двери и ставни на окнах магазинов, тяжелые засовы и пудовые замки, которые когда-то надежно охраняли нажитое добро – все читалось как страницы повести о прошлом купеческого села.

Но мы с вами по широкой, мощеной булыжником улице идем дальше. Вон там, на углу, притулился точильщик ножей и ножниц. Легким покачиванием ноги он приводит в движение маховик, большое колесо, а оно в свою очередь – точильный камень. Золотистые искры летят струей из-под ножа, ловким движением повертываемого то одной, то другой стороной.

Да, по старому Чкаловску ходили еще точильщики с тяжелым станком на плече и, заглядывая в окна, оглашали улицы характерным кличем: «Ножи, ножницы точить!».

Мы продолжаем наш путь, с Большой улицы нам надо теперь повернуть на базарную площадь. Здесь солидные дома в прошлом солидных людей стоят уже один за другим. Хозяев здесь давно нет, здания занимают различные учреждения и организации. На самом углу, на повороте, напротив казенки и Гужтранса буквой «Г» стоит бывший дом Посельской и Наумовых. Сейчас здесь артель инвалидов «Дружба». А рядом бывший дом Голиковых, в верхнем его этаже райвоенкомат, внизу – железно-скобяная лавка. Торгует здесь Эраст Иванович Шутов. Если вы человек хо-

Большая улица, или улица Чкалова.

Слева – ресторан. 1937 г.

зьяйственный и мастеровитый, то стоит сюда заглянуть. Сейчас такой магазин назвали бы «Хозмаг», потому что в этой лавке продавался всякий инструмент, замки и щеколды, краски и кисти. Но разве увидишь в теперешнем «Хозмаге» косу-литовку, серп, примус?

Рядом с железно-скобяной лавкой стоит дом проезжающих – это бывший дом Чуфариных. В старом Василеве фамилия Чуфариных была, пожалуй, самой распространенной. Чуть ли не с десяток семей с такой фамилией проживало в разных концах Базара.

Напротив дома проезжающих, через улицу, обращает на себя внимание большое, красивое здание, так называемая «голиковская школа». В дореволюционные времена здесь был голиковский магазин, потом разместили школу. По этому же порядку мы увидим еще несколько магазинчиков, продовольственный, промтоварный. Ну, а еще дальше –

знаменитый и популярный ресторан, и не менее популярный и, наверное, самый красивый в старом Чкаловске магазин «Горт». Он располагался у самой Волги, от него шел спуск к пристани.

А вот там посреди площади, у самого рынка, стоит крошечный по сравнению с теми, что только что видели, но тоже симпатичный домик. В те времена, когда на площади стояла и была действующей Вознесенская церковь, в домике этом продавали свечи, лампадное масло, нательные крестики, иконки, жития святых. А в послевоенное время здесь располагался «Культмаг», и это был именно тот магазин, в котором мы, ребята, любили бывать более всего.

Здесь мы покупали все необходимое для школы – учебники, тетрадки, чернила и чернильницы, ручки и перья, альбомы и карандаши. Здесь продавались игрушки, и хоть большинство из них нам было не по карману, все равно – даже поглядеть на них было любопытно.

Какую-нибудь дорожную заводную игрушку мы купить не могли, но вот ножик – это да, это уже дело святое. Ведь без ножика мальчишка как бы и не был уже мальчишкой. Сюда, в «Культмаг», мы шли и затем, чтобы вскладчину купить камеру для футбольного мяча, когда на старой уже негде и заплату было поставить.

Кроме того, в магазине продавались книги, музыкальные инструменты – баяны и гармошки, гитары, мандолины, балалайки. Да мало ли еще чего! Работала в «Культмаге» Клавдия Ивановна Хорева, она хорошо знала вкусы и потребности своих постоянных покупателей и умела их удовлетворить. Вы не хотите приобрести гармонь? Нет? Воля ваша. Ну, давайте хоть бы сфотографируемся на память о нашей прогулке, фотоателье совсем рядом.

Да, фотография тоже находилась на Базарной площади, и заведовал ею замечательный мастер своего дела Ми-

хаил Григорьевич Гребенкин. У него в ателье был различный инвентарь и антураж – тумбочки, подставки, игрушки, которые он давал в руки самым маленьким своим клиентам. Желаящих увековечить свою личность он усаживал в фигуристые кресла, а сзади прямо на стене был нарисованный красками романтическим пейзаж. По желанию заказчика фотографии наклеивались паспарту.

Михаил Григорьевич оставил хорошую о себе память – сделал десятки фотографий подлежащих затоплению улиц, несколько панорамных снимков поселка – с колокольни староверской церкви, с Волги, от Покровской горы.

Если же бы мы с вами у Голиковской школы не свернули на базарную площадь, а продолжили свой путь в направлении к пристани по Большой улице, то школа осталась бы у нас справа, а с левой стороны мы увидели бы еще ряд крепких двухэтажных зданий, где размещались парикмахерская, райпотребсоюз, редакция газеты.

От здания райпотребсоюза можно свернуть налево в Тихий переулок и, миновав Звездинку, подняться по Галаниной горе на Тесную улицу. Отсюда нельзя не заметить расположенное на Звездинке внушительное здание ремесленного училища.

А если идти по Большой улице, как и прежде, то за редакцией, за горкомхозом она проходит уже прямо к Волге, и далее идет съезд к пристани.

Налево на берегу Волги стоит еще несколько примечательных по архитектуре домов, где помещались поссовет, милиция, банк. С набережной Волги дорога поднималась уже на Воскресенскую гору.

Подлужье

Давайте вернемся теперь назад, к тому месту, откуда началась наша прогулка на Базар, а именно к бывшей староверской церкви. Она будет по правую руку, а по левую – аптека, и если мы пойдем по Большой улице, или по улице Чкалова, в направлении, противоположном от Базара, то вот эта часть поселка по ту и по другую сторону будет уже называться Подлужьем.

Речка Санахта, обогнув дугой возвышенный мыс со стороны Базара, делала в этом месте крутой поворот в сторону Покровской горы, и здесь, в низине, начинались уже луга, заливавшие каждую весну полую водой. Из-за близости здешних улиц к лугам и называлась эта окраина поселка Подлужьем.

По рассказам старожилов Василева, раньше на речке Санахте в ее устье, в районе Подлужья, да и далее по обоим берегам и с той, и с другой стороны, росли талки, ивняк. Деревья вверху над речкой смыкались своими кронами, тем самым образуя тенистый живой коридор. «Едешь когда на лодке по речке, солнышко сверху только кое-где пробивается, и будто по какому-то сказачному царству плывешь!» – вспоминал Александр Михайлович Каманин, детство которого проходило здесь в предреволюционные годы.

Речка прежде была и гораздо полноводней, чем в годы нашего детства. По всему ее руслу, говорят, стояло чуть ли не пятнадцать мельниц. До Сицкого моста так и то их было четыре – Баклиха, Попиха, Горянская, Скатиha. От Баклихи и Попихи в послевоенные годы остались только воспоминания, а вот Горянская и Скатиha еще были целы. В 20-е – 30-е годы в связи с известными обстоятельствами у жителей как поселка, так и близлежащих деревень своего хлебушка

не стало, молоть было уже нечего. Мельницы стали не нужны и захирели. Вот и начала мелеть речка.

Кроме того, в эти же годы многие жители Подлужья, да нагорной части Василева, из-за того, что время было голодным, вынуждены были завести коз. Выпас скота в основном был лугах, около речки. А для коз ивняк да талки – известное дело – лакомство. Вот и пообглодали, потравили они всю растительность по берегам Санахты, и стала она почти повсеместно голой.

Ивняк укреплял берега, а когда его не стало, они год от года все более и более размывались, особенно полою водой. Осыпавшимся грунтом замывало дно, и река стала совсем мелкой. В послевоенные годы летом ее чуть ли не в любом месте можно было перейти, закатав лишь до колена штаны, и только в самом устье она была немного поглубже.

Ну, что же – к речке мы с вами еще вернемся, а сейчас давай те взглянем повнимательней на само Подлужье. Домики на здешних улочках были гораздо поскромней, чем те, что красовались на Базаре. В основном здесь стояли обычные деревянные одноэтажные дома, и жил в них больше мастеровой, ремесленный люд, а если кто в прежние времена и занимался торговлей, то так – по мелочи. Двухэтажные дома были немногочисленны, даже, можно сказать, единичны, и они уже выделялись среди других-прочих, как, скажем, здание нарсуда, стоявшее невдалеке от Санахты, или здание артели строчей, располагавшееся в конце Подлужья.

Были на улицах Подлужья и совсем ветхие домишки-лачужки, были и ладные, крепенькие, как орешки. А сами улицы назывались так – Речная, та, что шла по берегу Санахты; Луговая, примыкавшая к лугам; к лугам же с Большой улицы вела улочка Ильинская. За аптекой с Большой улицы к Речной шел переулок, он назывался Журчащий.

Хоть и невелики все эти улочки-переулки, но все их нам с вами сегодня все равно не обойти. Так давайте так же, как и по Базару, пройдем хотя бы по главной, Большой улице, или улице Чкалова, посмотрим, какие тут есть примечательные места. Пока говорили о том да о сем, староверскую церковь мы уже прошли, прошли и кузницу, где работал Александр Лазаревич Бакловский. Вот дом Пещерновых, а сразу за ним – кладбище церкви Михаила Архангела. Оно прямо у дороги, с правой стороны, а чуть повыше кладбища видны руины, останки стен самой церкви. Вот здесь стоит остановиться и опять кое-что вспомнить.

Церковь Михаила Архангела была построена в 1765 году по упразднении находившегося здесь Михаило-Архангельского женского монастыря, на десять лет позднее, чем Вознесенская церковь. Церковь Михаила Архангела до 1831 года имела самостоятельный приход, а с этого года за бедностью и скудостью средств была приписана к Вознесенскому приходу. Разрушена она была, как и Вознесенская, в 30-е годы.

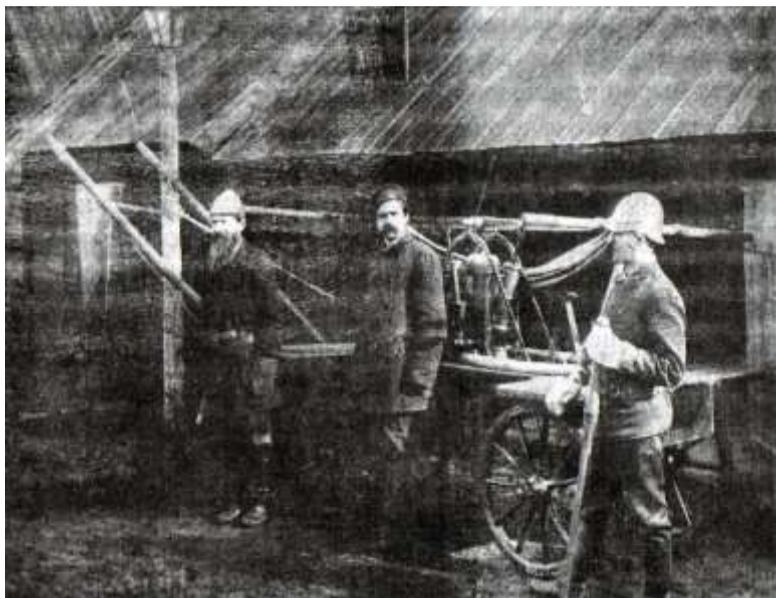
Сам же женский Архангельский монастырь находился на месте кладбища, где мы с вами и остановились. И вот на месте кладбища с 1770 и вплоть до 1881 года стояла деревянная монастырская церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Церковь эта была построена из собственного монастырского леса, находившегося рядом с монастырем и была освящена митрополитом Нижегородским и Алатырским Исанией в царствование императора Петра 1.

В 1857 году в Василево приезжал епископ Нижегородский Преосвященный Иеремия. Ему бывшая монастырская церковь Рождества Богородицы более чем полутора-векового возраста показалась очень ветхой. Его распоряжением она была закрыта, и уже бездействующей, закрытой для богослужения продолжала стоять вплоть до 1881 года.

В 1881 году близ Нижнего Новгорода по инициативе Московско-Нижегородской железной дороги была устроена колония для малолетних преступников. Вот в эту колонию василевские жители с разрешения духовной консистории и пожертвовали старинную монастырскую церковь, куда она после разборки и была перевезена. Вместе с этим исчезли в Василеве последние материальные следы монастырской жизни.

Мы с вами все еще находимся около кладбища и если посмотрим на левую сторону улицы, то увидим довольно большое, похожее на амбар, деревянное здание с широкими воротами и помостом у этих ворот. Здесь в старом Василеве размещалось пожарное депо. В депо хранился весь пожарный инструмент и инвентарь, укрепленные на телегах ручные помпы, бочки для воды, а также обмундирование пожарных – брезентовые бушлаты, медные каски.

Василевское пожарное общество существовало на

Пожарные

добровольных началах. Пожарные назывались охотниками, в пожарную команду они записывались по собственному желанию, то есть по охоте, и зарплату не получали. Единственной мерой поощрения для них был обед в чайной да чарка водки после тушения пожара, если таковой случался. Обед оплачивался купцами, предводителями общества. Но зато охотники – пожарные, люди бесстрашные и ловкие, были окружены особым почетом и уважением жителей Василева.

Время от времени пожарная команда всем составом в полном обмундировании и снаряжении, с помпами и бочками с водой под звон колокола выезжала на Базар и там на каком-нибудь из зданий устраивала в целях учения и тренировки маневры. Немало василевского люда высыпало поглазеть на их расторопную, слаженную работу.

Если мы с вами по улице Чкалова пойдем дальше, то потом сразу же за кладбищем увидим старенький, но еще довольно крепкий деревянный дом. И здание это, можно сказать, историческое. Это самая первая в Василеве школа, построена она была в семидесятых годах 19 века на средства сельского общества как мужское начальное училище. Разобрана она была в 1952 году. Сколько же василевских и чкаловских мальчишек и девчонок прошло через стены школы за восемьдесят лет ее существования!

Автору этих заметок тоже довелось три года учиться здесь с первого по третий класс. В школе была изразцовая печка, одна комната – класс для занятий, небольшая пионерская комната и совсем уж маленькая конурушка, где жила уборщица тетя Маша. Она же и печку топила, она же и за порядком следила. А учительницей у нас была Евдокия Федоровна Авситидийская. Сколько хлопот доставляли мы, неумные сорванцы, и Евдокии Федоровне, и тете Маше, этим двум добрейшим женщинам.

Послевоенные зимы были очень морозными. Бывало, идем в школу – ресницы сами слипаются от густого инея, Морозко за нос, за щеки щиплет. Полнеба алою зарею залито, а на этом малиновом фоне из печных труб поднимаются вверх голубые столбы дыма. В школу придем – и там холодно, как ни старалась тетя Маша, а так и не смогла натопить класс сырыми дровами.

Сидим за партами в пальтушках, чернила в чернильницах замерзли, писать нельзя. И вот приходит из РОНО директор начальных школ Рогачев и объявляет, что уроки на сегодняшний день отменяются. С опечаленными лицами дожидаемся, пока Рогачев уйдет, чтобы такое же объявление сделать в следующей школе, а потом с дикими воплями радости срываемся, идем прыгать в сугробы с остатков стен церкви Михаила Архангела. Потом идем домой, надеваем лыжи и целый-то день катаемся с гор. Этого отменить ни мороз, ни Рогачев – никто не мог.

Само собою сложилось так, что Подлужье исстари стало центром народного образования. В 1898 году неподалеку от мужского начального училища, на другой стороне Большой улицы при материальном пособии путейцев была построена и открыта женская начальная школа для обучения детей-девочек. В послевоенные годы в этом здании размещалась швейная артель «Вперед». А в 1904 году на средства Василевских казенных мастерских здесь же в Подлужье, и тоже недалеко от начальной школы, была построена так называемая школа второй ступени с пятилетним уже курсом обучения. Выпускники этой школы могли работать в затоне конторщиками, на счетной работе. В основном для этих целей и строилась школа. Это было уже довольно большое двухэтажное здание под железной кровлей.

Для тех ребят из отдаленных от Василева деревень, которые не имели возможности ходить в школу, пусть даже

и начальную, существовала воскресная школа, куда ходили только по воскресеньям. Талантливые василевские учителя Пановы за 3-4 воскресенья могли научить деревенских мальчишек и девчонок читать хотя бы по складам и писать хотя бы печатными буквами.

В начальном училище, а затем и в школе второй ступени, учились в свое время наш легендарный летчик В. П. Чкалов, народный художник России А. М. Каманин и многие другие василевские ребята, которые, став взрослыми людьми, прожили свою жизнь достойно и с пользой.

До постройки школы № 4 в 20 - 30-е годы, когда ребят школьного возраста было уже довольно много, школы размещались и в различных зданиях, расположенных на Базаре. Но все равно ядром и центром школьного обучения оставалось Подлужье. Какое-то время в бывшей школе второй ступени размещалось даже РОНО.

Здание этой двухэтажной школы в 1953 году было перенесено на Комсомольскую улицу. Долгое время здесь был городской Дом пионеров, и здание тогда еще сохраняло прежний вид. Впоследствии это здание заняло управление сельского хозяйства, и оно было реконструировано до полной неузнаваемости.

В настоящее время на месте прежних улиц Подлужья плещут волны акватории вокруг пирса и причальной стенки.

Воскресенская гора и Нагорная улица

Съезд с Нагорной улицы к Базару вместе с прилегающей к этому съезду площадью после установления Советской власти был назван площадью Революции. Но жители Василева как-то все больше по старинке продолжали назы-

вать это место Воскресенская гора, или еще короче и проще – Гора. Так и не прижилось новое название.

На горе, там, где недавно поставлена памятная часовенка, стояла Воскресенская церковь. Так и получилось, что церковь дала имя горе, а гора – церкви, которую в просторечии называли Горской, или «церковью на верху».

Рядом с Воскресенской холодной церковью стояла еще одна, теплая, Троицкая, поставленная в память о стоявшем в давние времена Троицком мужском монастыре. Убранство и утварь монастыря по его упразднении перешли вот в эти две церкви.

Иконы, убранство церковей производили даже на церковных сановников весьма сильное впечатление. Протоиерей И. Соловьев в статье, опубликованной в журнале «Нижегородские епархиальные ведомости», № 23 за 1904 год, в числе особо замечательных икон называет следующие:

«1) Местная икона Страстной Божией Матери, на ней венец серебряный 3 фунта 25 золотников, убрус низан жемчугом, всего 5215 зерен, стразовая звезда, чеканное вокруг сияние с 10-ю бирюзовыми камнями;

2) Св. икона в посеребренной ризе, изображающая распятие Господа Иисуса Христа с предстоящим пред Ним Св. угодником Николаем Чудотворцем и Св. Иоанном Златоустом со вложенными частицами мощей сих Святителей и части древа Св. Животворящего Креста Господня. Икона сия пожертвована князем Грузинским Георгием Вахтанговичем;

3) Св. икона Владимирской Божией Матери, стоящая в теплой Троицкой церкви. На ней венец и риза серебряные, вызолоченные. На венце пять звезд и цала унизаны мелким жемчугом и камнями».

Между приходами Базарской и Горской церковей всегда шло как бы негласное соревнование: чьи иконы древней, чей хор поет лучше, у кого костер на Масленицу горит ярче, чей

Василево во время половодья

колокол в праздник ударит сильней. В хоре Горской церкви в числе прочих пели служащие затона. Не считал зазорным для себя петь в хоре даже и главный механик затона Н. И. Суханов.

Колокол Горской церкви на Пасху ударял так, что в окнах, расположенных близко от нее домов, дребезжали стекла. Отлитый в 1900 году в Балахне, он весил свыше 500 пудов.

Старостой Воскресенской церкви некоторое время был П. Г. Чкалов, а последним настоятелем прихода – священник и благочинный Н. М. Соколов.

После образования Горьковского водохранилища нижняя половина Горы ушла под воду, но не только высота, а и ширина Воскресенской горы в сторону Волги была значительно больше, чем сейчас. Склон Горы был обрывист, подвержен оползням. Когда берег в 50-е годы укрепляли, его спрямили, спланировали и срезали при этом большую часть

Василевский затон в конце XIX века

той площади, на которой стояла церковь. Сейчас ширина мыса такова, что на нем видны лишь остатки фундамента колокольни, а того места, где стояла сама церковь, уже нет, оно срезано ножами бульдозеров.

Берег Волги в этом месте начал обрушаться давно, и проблема его укрепления стояла еще сто лет назад. Родники, сочившиеся по склону горы, а главным образом высоко поднимавшаяся в половодье Волга, съедали Горы ежегодно пядь за пядью.

Большой обвал – оползень по всей длине Горы произошел к 1902 году. Грунт обрыва огромным массивом съехал вниз. После этого расстояние между церковной оградой и обрывом Горы составляло 8-10 метров, что грозило опасностью сохранности церкви. А за 40 лет до этого, по свидетельству современником, это расстояние было более 20 метров, и здесь, на этой площади между церковной

оградой и обрывом, на Пасху бывали многолюдные торжища и гулянья.

На том месте, где сейчас стоит ангар музея В. П. Чкалова, гору пересекал овраг, и за оврагом она уже называлась Васильевой горой, или Васильевым бугром. В 1896 году здесь на земле, принадлежащей Воскресенской церкви, появились дома главного бухгалтера затона В. Н. Васильева, главного механика Н. И. Суханова, баггермейстера А. И. Фролищева, котельщика П. Г. Чкалова. По имени бухгалтера Васильева и стало называться это место Васильевой горой.

Примерно в это же время еще чуть подальше, в начале затонского съезда, было выстроено здание почтово-телефонной станции. Долгие годы в этом доме размещалась детская библиотека. Сейчас этот дом пустует и заброшен.

Среди всех домов, стоявших на Васильевой горе, на самом волжском берегу, выделялся и обращал на себя внимание своей необычностью и размерами дом багермейстера Александра Ивановича Фролищева. За необузданный нрав и взрывной характер багермейстера звали Фрол Бешеный, а еще среди приятелей, знакомых и соседей слыл он оригиналом, то есть как бы немного тронутым.

Так вот, этот «оригинал» купил на Нижегородской промышленной выставке по окончании ее работы один из павильонов и поставил его в качестве жилого дома рядом с домом П. Г. Чкалова. Двухъярусный дом-павильон был увенчан высокой пирамидообразной кровлей и более походил на китайскую пагоду, чем на обычный жилой дом.

Поскольку свободных помещений в павильоне было предостаточно он нередко служил «театром» для постановки любительских спектаклей. Здесь же иногда показывал свои «туманные картины» с помощью любительского киноаппарата василевский энтузиаст-фотограф Василий Ильич

Чуфарин. В подготовке этих мероприятий активное участие принимал и юный Валериан Чкалов, переноса стулья из отцовского дома во фролищевский перед спектаклем и обратно по его окончании. Разумеется, ему разрешалось присутствовать и на самом представлении.

Впоследствии семьи Чкаловых и Фролищевых породнились. Дочь Павла Григорьевича, Софья, вышла замуж за сына Александра Ивановича, Владимира.

В 1941 году фролищевский дом был убран, и на его месте было начато, а после войны и закончено, строительство первого, деревянного ангара для экспонатов-самолетов музея В. П. Чкалова.

Шли годы, и с годами в нагорной части Василева жилых домов становилось все больше и больше. Постепенно образовалась улица, которую так и называли – Нагорная. Среди ее жителей были люди весьма примечательные, неординарные

Напротив здания почтово-телеграфной станции, впоследствии, как было уже упомянуто, детской библиотеки, жила семья Николая Ивановича Шапошникова, заведующего складом затона. Шапошниковы и Чкаловы дружили семьями, ходили друг к другу в гости. Николай Иванович был крестным отцом Валерия Чкалова. Всю жизнь он был заядлым охотником, держал породистых гончих. В дни приездов В. П. Чкалова в Василево они обычно вместе ездили на охоту в леса за Якунино.

Рядом со зданием почтово-телеграфной станции стоял дом Петра Леонтьевича Куклина. Дом – он никуда не делся и сейчас, стоит на своем месте, только от Куклиных там осталась одна лишь чудом уцелевшая медная гравированная табличка на двери: «Петръ Леонтьевичъ Куклинъ».

Куклин в затоне был мастером столярно-плотничного участка. Принимая кого-либо на работу, всегда предлагал

выполнить одно и то же задание – насадить топор. По тому, насколько аккуратно и тщательно было обработано топориче, делал вывод – любит ли человек дерево.

По цеху, по строящимся судам П. Л. Куклин ходил с аршином в руках, неторопливым бесшумным шагом. Подойдет сзади к слишком усердному работнику, увидит, что тот вместо того, чтобы отверткой шурупы закручивать, молотком их в дерево загоняет и – аршином по загривку: «По почте шурупы посылаешь? Еще раз увижу – смотри у меня!»

В Василеве П. Л. Куклин появился в 1913 году. Тогда к юбилею 300-летия дома Романовых к царскому приезду готовили в затоне два парохода – «Стрежень» и «Межень». Материал для отделки кают, мебель привез из Москвы некто П. Л. Куклин. Он же руководил отделкой кают.

А потом так и остался в Василеве. Поставил дом, женился. Сам он был замечательным столяром, к дому была пристроена небольшая столярная мастерская. Приемный сын Куклина Е. М. Боев был первым директором музея В. П. Чкалова. Родной сын, Михаил, погиб в Великой Отечественной войне. Дочь – Вероника Петровна – работала в завкоме профсоюза завода им. Ульянова (Ленина), а затем в ЦК профсоюза работников водного транспорта в Москве. Вот так и получилось, что и столярное мастерство, и отличный инструмент, да и сам дом в придачу унаследовал от отчима. Е. М. Боев, живший в этом доме долгие годы...

Если уж речь идет о Нагорной улице, то нельзя не упомянуть хотя бы мельком еще о двух весьма популярных у васильчан зданиях, находившихся здесь до поры до времени. Во-первых, это знаменитая ударная лавка, памятная умопомрачительными очередями за хлебом, и особенно за белой мукой, привозимой к праздникам. В 1930-е годы, да и позже, в очередях у ударной лавки, в этом скопище народа находились и несли свою службу василевские стукачи, прислуши-

вались к тому, кто и что говорит. И часто бывало так, что сегодня сболтнул человек что-то лишнее, а назавтра его забрали, увезли и с концами, и след его простыл...

Второе здание, о нем уже мало кто и помнит, это народный дом, который находился тут же, но ближе к берегу Волги. По настоятельным просьбам рабочих этот дом был поставлен в 1915 году. Сейчас такой дом называли бы просто клубом. С его появлением уже здесь, а не у Фролищевых ставили самодеятельные спектакли, и посмотреть их могли все, кто хотел. Руководил драматическим коллективом Александр Васильевич Чуразов. В народном доме велись занятия хорового кружка. Была и небольшая библиотека. А уж когда с 1918 года Федор Александрович Шульпин стал показывать здесь кино – немое пока, разумеется, – то это уж для васильчан было явлением совсем удивительным.

За ударной лавкой на довольно обширной площади располагался так называемый «пановский» сад, сейчас это место занимает уже довольно рослая дубовая посадка. Ну, коль был пановский сад, значит, был и пановский дом, и жили в этом доме замечательные василевские учителя Пановы. Однако учитель Владимир Михайлович Панов сам ни дома этого не строил, ни сада не разбивал, а купил эту недвижимость в 1919 году у известного тогда дельца и подрядчики Тихомирова Вассиана Марковича за 60 пудов ржи. Цена по тем голодным временам очень даже немалая. После такой сделки Тихомиров навсегда исчез из Василева.

А до той поры слыл он в селе большим человеком, а уж и затоне был и бог, и царь, и воинский начальник. Занимался же он вот чем. У руководства затоном брал подряды на выполнение в основном котельных, а иногда и других каких-то работ, сам закупал и привозил в затон необходимый материал, сам нанимал рабочих и сам с ними рассчитывался. Руководству же предъявлял только счет к оплате за выпол-

ненную работу. В счетах именовал себя «почетным гражданином». Какой барыш оставался после этого в кармане Вассиана Марковича – это одному Богу было известно.

На Нагорной улице и поблизости Тихомиров построил шесть жилых домов, четыре из них продал еще до революции. Вот он-то, Вассиан Маркович Тихомиров, и развел при доме, где жил сам, этот огромный фруктовый сад, размерами своими поражавший ум и воображение жителей села. Поражала воображение и поставленная им посреди сада вышка высотой около 15 метров. На верхней площадке вышки была установлена подзорная труба, предназначенная для обзора волжских красот и просторов, а также за наблюдением за положением дел на участках работы у его подопечных в затоне.

Во дворе дома были установлены для детских забав так называемые «гигантские шаги». Дворовые постройки при доме были обширны и многочисленны. Тихомиров для разездов держал лошадь и постоянного конюха. Вот этот дом с садом и стал с 1919 года уже не тихомировским, а пановским. К этому времени, то есть к 1919 году, тихомировскими домами, в общем-то, улица Нагорная и заканчивалась. Перпендикулярно ей шли улицы Островского, Чернышевского, Садовая, Некрасова.

А вот улиц Первомайской и Краснозаводской еще не было, там был пустырь. В годы гражданской войны, когда голод и бесхлебица охватили всю страну, этот пустырь распахали и стали использовать как участок для посадки картофеля, капусты, других овощей. Была организована артель-коммуна, в нее входили и управляющий затоном К. М. Михайлов, и П. Г. Чкалов, и коммунисты братья Иголкины – все, кто хотел работать. Урожай делили по трудовому вкладу, по трудодням, так как участок не был поделен между

членами артели, а был общим. Коммуна существовала все голодные годы.

В 1925 году как раз на этом месте началось строительство рабочего поселка и развернулось в западную от Нагорной улицы сторону. Год от года на пустыре как грибы после дождя вырастали жилые дома, социально-бытовые учреждения. К 1932 году к радости васильчан в поселке были построены столовая, поликлиника, больница, детский сад и ясли, баня, школа, осуществлено водоснабжение. Всем строительством руководили четыре человека – один инженер, один техник и два десятника.

Но вернемся на Воскресенскую гору. В 1918 году недалеко от обрыва и чуть в стороне от церковного кладбища появилась деревянная пирамида – памятник, увенчанная Красной звездой. Здесь был похоронен убитый участниками хлебного бунта начальник Василевской Красной Гвардии Яков Иванович Петров. Его именем были названы улица, на которой он жил, а также поселковый клуб. Памятник стоял на горе до середины 50-х годов.

В годы гонений на церковь и религию и Троицкая, и Воскресенская церкви были закрыты. В Воскресенской оборудовали электроподстанцию для освещения поселка. Видно, это должно было символизировать переход от религиозной тьмы к свету новой жизни.

В годы войны и позже в здании Воскресенской церкви размещался пищекомбинат, или, как его в насмешку называли, пиццедрищекомбинат. Такое неблагозвучное название было вызвано, по-видимому, неважным качеством продукции, какая здесь лепилась – конфеты, помадка, соевые пряники, патока.

В 1940 году на площади Революции, или на Горе, в увековечение памяти о трагически погибшем летчике-земляке В. П. Чкалове был построен Дом культуры его

имени, а рядом, в доме, где он родился и вырос, открыт музеем.

По сторонам крыльца Дома культуры когда-то стояли скульптуры, с одной стороны рабочий с гаечным ключом в руке, с другой – колхозница с корнеплодами в подоле.

Напротив Дома культуры, там, где сейчас стоит самолет МИГ-21, был установлен памятник И. В. Сталину. Памятник воплощал вождя в длиннополой шинели и был довольно внушительных размеров. Чуть поодаль стоял памятник поскромнее – бюст В. П. Чкалова на деревянном постаменте и с деревянной оградой вокруг него.

Присутствие Иосифа Виссарионовича было весьма заметным и в самом здании Дома культуры. В фойе долгое время находилась скульптурная группа – В.И.Ленин с газетой «Правда» в руке и И.В.Сталин, сидя на скамье, обсуждают очередные задачи Советской власти. В фойе же висела огромная картина – копия, изображавшая И. В. Сталина в белом кителе с перекинутой через руку шинелью на фоне колхозных полей. В зрительном зале по бокам сцены висели портреты И. В. Сталина и В. П. Чкалова в рост.

В конце 30-х годов на Горе были посажены молодые березки, сейчас эти деревья достигли полного расцвета красоты и сил.

На площади перед Домом культуры проходили праздничные митинги, демонстрации. Здесь давались старты традиционным мотокроссам памяти В. П. Чкалова.

Но не только в праздники, а и в любой обычный день здесь было оживленно и многолюдно. Воскресенская гора по-прежнему, как и сто лет назад, оставалась одним из самых подходящих мест для того, чтобы не торопясь пройтись по берегу, поглядеть на Волгу, подышать ее простором.

Трудно передать словами, какой переполох, какой всеобщий восторг царил на Горе во время ледохода. В ка-

кой-то день поселок облетала весть: «Волга тронулась!». После первой подвижки была вторая, и, наконец, ледяной покров реки всей своей массой подобно гигантской белой змее с глухим и грозным рокотом двигался непрерывным мощным потоком.

И тогда на Волгу высыпал чуть ли не весь поселок от мала до велика. Мальчишки сновали по откосу Горы вверх и вниз, там и тут стояли на берегу толпы взрослых. Отсюда, как со смотровой площадки, далеко было видно все происходящее внизу, на реке. Веселые возгласы удивления и изумления оглашали толпу, когда мимо проплывали снеженные ледоходом баньки, лодка, стог сена. И какие только предположения не высказывались по этому поводу.

На другой день сплошная масса льда начинала трескаться и ломаться. Огромные льдины, напирая друг на друга, вставали на дыбы, со скрипом и грохотом крушились. Льдины потоком выпирало на берег, на них громоздились другие, все новые и новые. Все это зловеще скрежетало, грохотало и ухало. Шум стоял невообразимый.

На старых березах, росших по склону Горы, уже громоздились грачи, и их неумолкаемый крик оглашал всю округу. В затоне на парокладах, на земмашинах начинали опробовать гудки, и оттуда доносились их голоса, то басовитые и тугие, то веселые и звонкие. Внизу Горы старый бакенщик на костерке и черном ведерке разогревал смолу, конопатил и смолил лодку.

Все эти звуки и запахи – свежей смолы, тающего льда, набухающих почек – сладко тревожили и будоражили душу. Всюду, во всем чувствовалось пробуждение, прилив новых сил. Волга-кормилица и люди, обитающие около нее, готовились к новому циклу своей жизни.

Склон Вознесенской горы был очень живописен. По ее увалам там и тут росли старые раскидистые березы, а между

ними желтыми ручейками со всех сторон спускались к воде прогретые солнцем тропинки.

Посредине склона на бугре, земляном массиве, съехавшем вниз во время оползня, стояла будка бакенщика. Около нее всегда лежали старые бакена и створы. Неподалеку от будки стояла вежа – высокий деревянный шест, на ней вывешивали знаки, обозначавшие глубину фарватера и другие характеристики плеса. Бакенщик, бородастый дед, каждый вечер объезжал на лодке свой участок плеса, чтобы зажечь на бакенах керосиновые фонари, а утром объезжал, чтобы их погасить.

Вот к этой будке бакенщика все чкаловские художники, коих было немало, испытывали почему-то особое пристрастие. Кто ее только не писал!

Впрочем, и в других местах Воскресенской горы можно было найти немало мотивов для этюда или картины. С мыса горы открывался прекрасный вид на Волгу с пристанью, на Базарную часть Чкаловска. Отсюда, с мыса, писали пейзажи и А. М. Каманин, и видный московский художник Г. М. Шегаль.

Рассказывая о Воскресенской горе, нельзя не упомянуть и о такой ее достопримечательности, как водная станция, или попросту – купальня. Она стояла напротив будки бакенщика и пользовалась огромной популярностью у многих поколений чкаловских мальчишек.

Купальня была с вышкой для прыжков в воду, на ней было три трамплина разной высоты. С нижней площадки прыгали «солдатиком» восьми-девятилетние сорванцы, а взрослые парни к зависти малышни ныряли вниз головой с самого верха. Однажды здесь произошел несчастный случай: насмерть разбился, ударившись головой о край нижнего деревянного настила, один из смельчаков-ныряльщиков Валентин Рашков.

Да. Время неумолимо несется вперед, и все быстрее и быстрее срабатывают его разрушительные силы. Сколько веков стоял на Горе монастырь? Никому не ведомо. Наверное, много. Два века стояли здесь Воскресенская и Троицкая церкви. Памятник Сталину выстоял около пятнадцати лет. Примерно столько же стоит на его месте памятник-самолет МИГ-21. Сейчас на Горе поставили часовенку. Надолго ли?

Покровская гора. Нижний остров

На Покровской горе когда-то давным-давно, два с половиною века назад, стоял мужской монастырь Покрова Пресвятой Богородицы. От него и гора стала называться Покровской.

На подошве горы росли могучие сосны. Не знаю так ли, но говорили, будто они еще теми самыми монахами были посажены. Сосны здесь стояли не так тесно, как в лесу, здесь им было вольготно, просторно. Бронзовые стволы их были по-богатырски кряжисты, а раскидистые ветки, будто руки, поддерживали темно-зеленые шапки густой хвои.

У василевских жителей было прямо-таки благоговейное отношение к этой роще. Ее берегли, как святое, священное место. Сухостой и валежник регулярно убирались, но упаси Бог, и мысли такой никому в голову не приходило, чтобы спилить хоть одно здоровое дерево.

Перед затоплением эти сосны пилили специально изготовленными длинными пилами, хода обычной двуручной пилы не хватало, чтобы свалить деревья чуть ли не метровой толщины

Землю под соснами устилал пружинистый, толстый полог хвои, нападавшей за многие и многие годы. В хвое там и сям лежали похожие на маленьких ежеиков шишки, а после

дождя по краю рощи высыпали стайками маслята. За соснами, чуть повыше, была и березовая рощица.

Про Покровскую гору, про монастырь рассказывали мною различных бывальщин. В праздник или выходной день соберутся бабы у чьей-либо избы на крылечке почесать языки и среди прочих разговоров заведут рассказы про нечистого, про порчу, про то, про се. Мы, ребята, обычно сидели где-нибудь рядышком, прислушиваясь к их байкам. И вот однажды в один из таких вечеров кто-то рассказал, «верное слово», что будто бы на Покровской горе монахами зарыт богатый клад, и лежит тот клад под присыпанной землей железной плитой с кольцом.

Это запомнилось, и с тех пор, как пошлют нас, мальчишек, на гору набрать шишек для разогрева самовара, ходим, бродим по горе, и вот нет-нет да и тукнет кто-нибудь в землю пяткой посильнее – не отзовется ли, не гукнет ли железная плита.

В послевоенное время внизу горы стоял детский дом, а наверху были склады заготзерна, и о монастыре почти что ничего уже не напоминало, сохранились только полуразрушенные останки маленькой часовенки. Об этой часовенке в народе ходила быль, что установлена она была на том месте, где во время грозы молнией «волею небесной», убит был двенадцатилетний мальчик-инок, и что над часовней иногда по ночам горит неизвестно кем возжигаемая и неугасимая никаким ветром свеча.

И все-таки, хоть и ничего уже здесь не напоминало о монастыре, Покровская гора всегда была для нас окутана каким-то ореолом таинственности и загадочности.

Это не мешало однако оставаться горе одним из любимых мест времяпрепровождения для мальчишек близлежащей округи.

Зимой вся шантрапа собиралась сюда кататься на лыжах, на санках. Далеко не каждый мог съехать со всей горы целиком, так она была высока, крута и длинна. Заберешься на гору, поглядишь вниз, и то уже страшно, коленки дрожат, дух захватывает. Но, уж коль забрался, делать нечего, надо съезжать. А мальчишки в конце горы еще и прискочку (самодельный трамплин из снега) устроят. Да еще меряют – кто дальше улетит с нее.

Сколько тут было азарта, сколько героизма! И только треск стоял от сломанных вдребезги лыж. Хорошо хоть, что лыжи у большинства были самодельными. Сломал – ну и ладно! Завтра можно другие сделать, новые.

Весной, когда широко разливавшаяся Санахта затопляла всю нижнюю, довольно обширную луговину перед горой, да частично и саму гору, любо было здесь у затопленных сосен, покататься на лодке. В это время заядлые рыбаки ставили по низу горы плетенные из тала рыболовные снасти – морды и крылены.

Летом мальчишки приходили сюда с корзинами – не наберешь маслят, так хоть шишек для самовара добудешь.

Со стороны Волги гора была совсем уж крутой и обрывистой. Правда, и с этой стороны кое-где ухитрялись расти сосны березы.

Верхняя глинистая часть обрыва будто буравом была изрешечена дырками гнезд ласточек и стрижей.

Юркие стрижи и ласточки целый день с утра до темноты с пронзительным визгом и вереском носились по всему пространству: от простершейся внизу волжской глади до самой поднебесной сини.

Здесь, у самого обрыва, мальчишки нередко забавлялись ловлей ласточек. Улегшись на пузо на край обрыва, замечаешь, в какую дыру залетает ласточка, и приставляешь к ней ладонь. Но, не закрывая навовсе отверстие. Ждешь

минуту – другую и, когда ласточка намеревается выстрелить из летка, в этот момент и надо успеть ее схватить. Подержав немного пленницу в руках, подбрасываешь ее вверх, и она пулей улетает в сияющую голубизну и тут же теряется среди сотен и сотен других.

Хорошо, привольно летом на горе!

Мать рассказывала, что в прежние времена в праздник в Троицу, или просто в выходной день на гору приезжало и приходило отдохнуть, погулять множество василевцев. Многие приезжали в нарядно разубранных коврами тарантасах, некоторые семьями и обязательно брали с собой самовар, угощенье. Расположившись в холодке, в тени сосен или берез, разводили шишками самовар, гоняли чай с калачами, пели песни.

Еще мама рассказывала, что в довоенные годы с наступлением лета в Василево из Нижнего часто приезжали дачники – евреи. Чаще всего они останавливались в Подлужье, жили здесь «на хлебах», то есть на хозяйских харчах. Они вдоволь кушали рыбу, а тогда и судака, и стерляди в Волге водилось предостаточно, ели зелень, овощи и чеснок, пили парное козье молоко, купались. В конце лета закупали чеснок и впрок. А, кроме того, всякий день ходили на Покровскую гору, дышали настоящим горячей хвоей воздухом, считая это чрезвычайно целительным для своего здоровья.

Если забраться на самую верхотуру Покровской горы, то открывается взору вся волжская ширь и в ту, и в другую сторону, а над нею, над ширью, отражаясь и дробясь в синей воде, висят большие округлые облака. По Волге, не торопясь, идет себе, пытит прокопченный, черный, как жук, буксирчик, волоча за собой длиннющий плот. А то белым лебедем проплывает красавец пассажирский.

С горы хорошо видны и заволжские пойменные луга с пасущимися там стадами, и леса, тающие в голубой хмари. Вдали, по направлению к Катункам, зеленой ящерицей вытянулся Верхний остров, а прямо напротив Покровской горы – Нижний.

На Нижний остров и ребята, и взрослые жители нашей округи ездили довольно часто. Там, на острове, выделялись всем желающим участки для посадки капусты, и вот взрослые, отправляясь сажать капусту, брали с собой и нас, детей.

Надо сказать, что капуста на острове родилась преотличная. Кочаны бывали огромными, непреподъемными. А все от того, что эти земельные участки ежегодно удобрялись естественным путем – илом, остававшимся здесь после половодья. Участки были отделены друг от друга всего лишь колышками с фамилией хозяина, но, не в пример нынешним временам, в те полуголодные послевоенные годы не бывало случая, чтобы у кого-то своровали капусту.

Участки тянулись по полосе острова, граничащей с водой, а дальше шли густые заросли тальника, ольхи, черемухи, шиповника. На острове росла в изобилии ежевика, подобно лианам ее ветви обвивали стволы ольхи, черемухи. Были и открытые места, где жители поселка косили сено.

В середине острова было озеро. Туда ездили иной раз для разнообразия покупаться. Вода там была потеплее, чем в Волге, и течения, как в Волге, не было.

В озере водилась рыба – лини, караси, язи. Так что и порыбачить туда ездили. К концу лета на острове поспевала черемуха. Ее набирали целыми корзинами, а когда принесли домой, часть собранного клали в большое блюдо, пересыпали сахарным песком, покрывали сверху таким же блюдом и трясли до тех пор, пока содержимое не превращалось в однородное сладкое месиво. Это месиво ели лож-

ками, разумеется, выплевывая ядра. Часть черемухи сушили на противнях в русской печке, а потом хранили в полотняных котомках для лечебных целей как вяжущее.

Осенью на остров отправлялись, чтобы срубить и справить домой капусту. Переправить ее иной раз было не так-то и просто. В осеннюю непогоду по Волге обычно гуляли уже свирепые волны с беляками. И чтобы в такое времечко управиться с тяжелой, доверху нагруженной лодкой, требовались и сноровка, и мужество.

Мать часто вспоминала, какого они с соседкой натерпелись страху, угодив при переправе капусты как раз в такую непогоду. Весь путь обе творили молитву Николаю Чудотворцу. И помог-таки Угодник, обошлось дело благополучно, добрались до Перевоза. Только последней волной лодку так швырнуло, что она, груженная, – вся целиком оказалась на берегу.

Если человек жил у Волги, общаться с ней приходилось чуть ли не каждый день. Хваткий человек не только рыбы, а и дров на Волге чуть не на год наловит. Заядлые грибники ездили на ту сторону, за Волгу, за белыми груздями, за рыжиками. Женщины, ребята постарше, собравшись компанией, отправлялись туда же за голубикой, за гонобобелем, а ближе к осени – за шиповником, за журавигой – так в просторечии называли клюкву.

Да мало ли еще за чем ездили. И тоже случалось, что поедут в ясную, ведренную погоду, а к полудню наскочат невесть откуда тучи, ветер поднимется, и такая буря на Волге разыграется, что не приведи Господи.

С характером была река-кормилица. И надо было уметь с ней ладить, надо было суметь понять ее характер. И если такое понятие приходило, то не было уже тогда для человека реки лучше и милей.

Речка нашего детства

В прежние времена у состоятельных людей воспитанием детей занимались гувернеры и гувернантки, бонны, в крайнем случае – няньки. Для многих и многих поколений ребят из Подлужья, бакловской, липовской шантрапы доброй, ласковой, но, когда надо, и строгой воспитательницей и нянькой была речка Санахта.

На речке ребятня уже с возраста 5-6 лет проводила все дни напролет, начиная с половодья и до той поры, когда ее, замерзшую, укрывало плотным снежным одеялом.

Санахта давала первые уроки мужества, первые уроки жизни. Она являлась как бы школой первой ступени, исподволь подготавливала к жизни на Волге, на реке большой и серьезной, с которой шутки были уже плохи. Там течение быстрое, там воронки, там середь ясного дня, откуда ни возьмись, поднимется, бывало, такой вихрь, такая волна, что и лодку вверх дном.

Мы, жившие у речки ребята, учились здесь плавать в 6-7 лет, сначала «по-собачьи», затем и «саженками». И это было также естественно и обыкновенно, как годовалому ребенку научиться ходить.

Научившийся плавать, усвоивший этот первый урок речки, испытывал и внутреннюю радость, и гордость. Весной, в ледоход, уже не так страшно было, вооружившись шестом или доской, взобраться на проползавшую мимо берега льдину и отправиться на ней в плаванье. Ну, маленько боязно, страшновато, конечно. Льдину, бывало, что и опрокинет другая, более мощная, наскочившая сзади. В ледяной воде приходилось выбираться на берег. И это тоже был урок. За такой урок дома, правда, изрядно попадало.

Не успеет пройти лед – отправлялись кататься на лодке. Лодка была далеко не в каждой семье, и когда

Праздник на василевской улице

старшие отправлялись покататься и порыбачить, немало труда стоило выпросить, чтобы взяли и тебя, и уж тем более, чтобы позволили сесть за весла. И все-таки, несмотря на это, мы как-то постепенно выучивались и грести, и, сидя на корме, править правильным веслом.

В половодье Санахта разливалась очень широко. За Подлужьем через речку был перекинут мост для сообщения с Беседами, Мишневым, Натекиным и другими деревнями, находящимися по ту сторону Санахты. Мост был очень высок, его сваи были высотой метра два с половиной. И хотя в летнее время глубина речки под мостом была не более полуметра, в половодье уровень воды поднимался так, что иной раз затопляло даже и сам настил моста.

Сосны на подошве Покровской горы оказывались затопленными чуть ли не на четверть, и в эту пору жители поселка – не только мальчишки, но и взрослые – с наступлением вечера любили покататься меж этих полузатопленных сосен на лодках. Сиреневые сумерки, тишина. В воде

все отражается, как в старом тусклом зеркале. Что-то колдовское витало в этот час над подернутой сизой дымкой рекой.

Купаться в речке начинали обычно с майских праздников. Еще кое-где в тени, под кустами, лежали остатки серых льдин, а солнце уже припекало, и речка звала, манила, ведь не купались целую зиму. Мы шли гурьбой к речке, и кто-то из самых отчаянных снимал штаны и сигал в обжигающую огнем воду, хотя бы только окунуться, и сразу же, как ошпаренный, пробкой вылетал на берег. Один попробовал – надо второму, третьему. Но это были уже второй, третий. Первый же был – герой.

Летом, в палящий зной, всей уличной ватагой отправлялись купаться на запруду, к останкам Ионовской мельницы. Там, у омутка, был довольно высокий обрыв, с него ныряли в воду, кто как умел. Мелюзга, одной рукой зажав нос, другой «кукушку», прыгали «солдатиком», ребята постарше сигали с обрыва с разбегу вниз головой.

В первый раз даже и «солдатиком» прыгнуть было страшновато. И все-таки наступал тот день и момент, когда семи-восьмилетний пацанчик набирался духу и, зажмурив глаза, прыгал с этого обрыва. И это была очередная победа над самим собой. Это был поступок, после которого те сверстники, что еще не решались прыгнуть, глядели на тебя с уважением.

Купались в речке до посинения, и когда уже зуб на зуб т попадал, падали плашмя на белый, горячий песок. Радужные круги – желтые, оранжевые, красные – плыли в закрытых глазах. Десять, пятнадцать минут – и тепло вновь возвращалось и тело. И снова в речку.

Купались все лето напролет, и все лето напролет рыбачили. Весной, когда поляя вода начинала понемногу спадать, ловить рыбу отправлялись на Покровскую гору.

На подошве горы в сосновой роще и около нее было много довольно больших и глубоких ям, неизвестно откуда здесь взявшихся. Может, это были остатки от каких-то старых строений или от когда-то раскопанных могил. Вода постепенно сходила, но в этих ямах она оставалась, в них оставалась и рыба.

Когда воды было много, по ямам лазили с двурушной корзиной. Вода была еще холодна, но – что делать? – приходилось снимать штаны. Один из рыбачков, бродя по яме, «ботал», то есть шерудил в траве ногами, другой держал рядом корзину. И вот, нет-нет, да и попадетя в корзину то карасик, то линек, а то, и щуренок. Спустя какое-то время воды в ямах становилось совсем мало, рыба была на виду, и не составляло большого труда поймать ее прямо руками.

Линьки, карасики, запеченные матерью в сметане да в русской печке, да в глиняной плошке, бывали весьма вкусны. Вообще, ребята, живя у речки, рыболовами становились очень рано. В середине лета воды в Санахте даже и в самых глубоких местах бывало не больше, чем по шейку, а так – по колено и чуть выше. И вот ребятня семи, десяти лет, прихватив двурушную корзину, отправлялись на речку. Способ ловли корзиной был весьма простым, доступным, а потому и самым распространенным.

В чистой воде дно повсюду было видно очень хорошо. Трое-четверо пацанят, стараясь сильно не шуметь, идут прямо посередине реки. Вот увидели большой камень, и тогда один из ребят ставит корзину около камня, а другие «ботають», топчут. И тут из-под камня выскакивает сладко спавший под ним пескарь или лежак и попадает прямо в корзину. Таким вот образом прочесывали речку вверх по течению от моста, что был за Подлужьем, и чуть не до Ионова. Заледенеют ноги, окоченеет сами – полежим на горячем песочке и пошли дальше.

В конце рыбалки рыбу старались разделить честно и поровну. Улов делился на столько кучек, сколько было рыбаков. Малявок разделить не составляло труда. Пескари, лежаки, ерши – все они были примерно одинаковой величины, с палец да чуть больше. Но в каждой кучке оказывалась и хорошая рыбина. В одной – щуренок, в другой – язь, в третьей – два хороших окуня. Когда рыба была разложена, кто-нибудь из ребят отвертывался, а другой, указывая на кучу, спрашивал: «Кому?». Отвернувшийся по очереди называл всех участников ловли. Разделенная рыбешка нанизывалась на кукан, срезанный ножичком ивовый прут, после чего уставшая и довольная компания отправлялась домой.

Ребята постарше рыбачили и на удочку. Известно, что в удочке главное дело – хороший крючок. Такие крючки можно было получить у старьевщика за принесенные ему железяки и медяхи. У заядлого рыбачка за околыш кепки над козырьком всегда было зацеплено два-три запасных крючка.

На удочку ловили после половодья, пока воды в речке было много. Летом же ходили удить к Ионову, к Горянской мельнице.

Совсем взрослые ребята после половодья ловили рыбу и бреднем. Тут улов бывал уже и серьезным. Кроме окуней, язей и красноперок в бредень попадались и щука, и налим. Налимов ловили и руками, заныривая в глубину и нащупывая их в корягах остатков плотины Ионовской мельницы.

За нашей улицей – ее и сейчас еще называют Бакловом – располагалась МТС, или машино-тракторная станция, подалее – лесопилка. А если спуститься с бугра, там ужеходим мощеная булыжником дорога, которая шла на Горький. Как хорошо она была сделана, мы 11-12-летние пацанята оценили, нанявшись разбирать ее за сущие гроши перед самым затоплением. Камень к камню были подогнаны

так плотно, что, казалось, они срослись друг с другом и не поддавались ни лому, ни кирке, и вскоре нам пришлось бросить это дело.

Так вот, если по Большой дороге пройти по направлению к Ионову, то с левой стороны тянулись один за другим длинные серые склады льнопункта, а чуть подалее, с правой стороны, на возвышении располагалось кладбище.

А за складами льнопункта слева от Большой дороги в зеленых лугах вилась синею лентой речка Санахта. Напротив кладбища берег ее был обрывист, глинистый грунт обнажен, а сама глина слежалась почти до твердости камня. Эту глину мы называли опокой. Из нее ножичком можно было вырезать какую-нибудь фигурку, лошадку, например. Правда, поставленная потом подсушиться на чело печки, лошадка рассыпалась на мелкие крошки.

Вот здесь-то, под обрывистым берегом, водились в речке раки. Они делали свои жилища-убежища в опоке на глубине около дна. И ловить их надо было, шаря рукой около нор, а то и залезая прямо в норы, Рассерженный хозяин не переносил такого бесцеремонного вторжения, стремительно выскакивал и хватал непрошеного гостя за палец. Конечно же, бывало больно.

Перед кладбищем и за складами льнопункта были луга, там паслись стада из близлежащих деревень, а также улиц поселка. Была там и небольшая сосновая рощица с лежанкой для коров и коз. Туда бабы приходили в полдень с подойниками доить буренок, приносили обед пастухам. Была там и выкопанная запруда ручья, бежавшего к Санахте. В ней коровы в знойный июньский день находили хоть какое-то спасение от слепней и мошкары. Нередко в этой запруде, когда было лень идти до Иопова, купались и мы, ребята.

Ходили к речке и по другой дороге – не со стороны МТС, а по краю оврага, который начинался между Бакловом

и Литовской. И вот там, перед бульжной Большой дорогой, у бойни возвышался бугор, называвшийся Панским. Сейчас на этом месте размещается сдаточная база Гороховецкого судостроительного завода.

Панский бугор – это остатки оборонительно вала, сооруженного перед сражением с поляками, которое проходило здесь когда-то, давно, в 1615 году. Руководил тогда сражением сам Дмитрий Михайлович Пожарский. Говорили, что в бугре были закопаны и полегшие в битве паны, невесть, за чем пришедшие на чужую землю.

Обрыв бугра в сторону Большой дороги был местами обнажен, и здесь иногда брали глину для того, чтобы замазать печку. Взрослые парни рассказывали, как кому-то из них удалось даже откопать здесь старый воинский шлем, лежавший в земле с тех давних времен.

Вот так, день за днем, проходило на речке длинное-предлинное, теплое-претеплое лето.

В конце ноября, в начале декабря речку сковывал мороз, и мы, обув на полуразвалившиеся валенки коньки-снегурки, отправлялись кататься по молодому тонкому льду. Лед был прозрачным, как стекло, через него хорошо было видно и космы травы – осоки, и каждый камушек. В нем, как в зеркале, отражалось небо с сизыми облаками, и деревья, и кусты. Если по реке где-то вдали шел человек, то казалось, что он, подобно Иисусу Христу, чудодейственным образом идет прямо по воде.

Лед зыбал, прогибался под ногами, тонко звенел от брошенной палки или камня. Но держал. Было страшновато немного, но и весело в то же время. И это были прощальные забавы на речке. Вскоре ее надолго заносило плотным слоем снега.

Сорок пять лет прошло с той поры. За это время разные «хозяйственные» люди так изуродовали Санахту, что если

пройти по ее берегу от устья, от технической школы, то не встретишь отрадного для глаза места вплоть до Ступинского моста.

И вот, чтобы свидеться с Санахтой, с речкой детства, приходится уезжать за Сицкое и дальше, куда не дотянулась еще пока рука «хозяйственников» и садоводов. Там есть еще места, где ее с обеих сторон обступают заросли ольхи, смыкаясь над ней своими кронами. Выбежав из этого коридора, ластится речка к песчаному бережку, петляя по лугу, испещренному цветами и июньского разнотравья.

Исккупаться там, конечно, нельзя. Воды и по колено нет. Но можно разуться, снять штаны и, как в детстве, побродить по песчаному дну, потом посидеть на белом горячем песочке. Пройдет минута, другая – и речка, будто старая нянька, станет тихо и ласково нашептывать байки о былом, о навсегда ушедшем.

Новое и старое

Несмотря на материальные, бытовые трудности, общая атмосфера жизни послевоенных лет была все-таки намного более оптимистической, нежели сейчас. Люди, наконец, облегченно вздохнули после четырехлетнего гнета нечеловеческих тягот. Жили сознанием, что самое трудное позади, жили надеждами на лучшее. Радостный, свежий ветерок врывается в души, каждый человек к чему-то стремился, во что-то верил... И каждый день приносил что-то новое – новые фильмы, новые книги, новые вести из радиорепродуктора.

Эпицентром, откуда шло все новое, свежее – это без преувеличения, можно сказать, – был Дом культуры. Сейчас трудно даже себе представить какой жуткой была давка за билетами в кино. За хлебом такой давки не было. Сколько времени, терпения и сил нужно было потратить, прежде чем

дойдет твоя очередь до маленького окошечка кассы, прежде чем выдадут тебе оттуда пачку вождеденных билетов.

И на какие только ухищрения не шли ребята, чтобы прошмыгнуть в зал мимо грозы всей василевской шпаны тети Кати Вшивковой. Пареньки, что ходили в изостудию к С. П. Алексееву, подделывали билеты, рисуя их на синеньких обложках тетрадок. Кто-то умудрялся пролезть с черного хода, кто-то доставал контрмарки на приставные стулья.

Какой ажиотаж вызывали сейчас критикуемые и на самом деле сегодня кажущиеся наивными кинофильмы «Кубанские казаки», «Трактористы», «Небесный тихоход». С каким упоением распевались потом молодежью знаменитые песни про лихого казака и про экипаж машины боевой. Афоризмами становились фразы героев из фильмов «Свадьба в Малиновке», «Волга-Волга». А сколько дикого улюлюканья во всех углах поселка раздавалось после фильма о Тарзане!

А танцевальные вечера? На них ходили не только молодежь, но и солидные, семейные люди.

А новогодний бал-маскарад? Он был целым событием, его ждали, к нему готовились, и потом впечатлениями от него делились чуть ли не месяц.

Артисты-любители на сцене Дома культуры разыгрывали замечательные спектакли, и каждый спектакль тоже был событием.

А как много в те годы читали! Читать любили все, вечерами читали в семьях вслух. В библиотеке за новой, только что им шедшей книгой записывались в очередь, читальный зал каждый день бывал набит битком, а вечером там и яблоку негде было упасть.

Когда приходил май, на чтение времени оставалось все меньше, потому что приходила пора копать огороды, сажать

картошку. Но вот вечером в сумеречном воздухе из Ленинского садим на весь рабочий поселок аж до Зманова, до Баклова и еще дальше разносились будоражащие, выскребывающие всю душу до дна звуки знаменитой «Риориты». И тогда молодежь бросала свои дела – по боку огороды, по боку картошка – парни и девчонки наспех переодевшись, неслись сломя голову на танцплощадку в Ленинский садик.

Ах, садик, садик!.. Сейчас он имеет вид весьма жалкий, весь-то запущен, весь-то заброшен. А, ведь, сколько счастливых часов изо дня в день, из года в год приносил он чкаловской молодежи!

Настоящим праздником для всего поселка были конные бега, что проходили на ипподроме у Кербатова. Они пользовались не меньшей популярностью, чем современные мотогонки. На ипподром собирался народ от мала до велика не только со всего Чкаловска, но и со всех окрестных деревень. Сколько оживления, сколько азарта бывало в такой день!

А выборы? Что бы там сейчас ни говорили, но это тоже был настоящий всенародный праздник.

Новое время, новый уклад, новые песни каждый день смело вторгались в кондовую, патриархальную жизнь Василева-Чкаловска.

Но удивительное дело – наряду с этим и вопреки этому продолжали жить и старые, дедовские традиции, обычаи. Никем не культивируемые, никем не насаждаемые, они стали как бы уже неотъемлемой частью народного быта.

Долгое время соблюдались так называемые престольные праздники. На Троицу престол бывал в Катунской округе, в Спасов день – в Сицком, в Ильин день шли к Илье, в Матренино, Кулаево. Там в такие дни бывало гулянье и гостьба.

Молодые парни из тех, что похлеще, отправляясь на гулянку, засовывали за голенище сапога финку, в карман клали свинчатку. Во время гуляний завсегда то тут, то там затевались драки, дело зачастую доходило до кольев, до поножовщины.

Если у кого-то из жителей поселка в округе, где проходил престол, были родственники, то к ним, к этим родственникам, в такой день отправлялись всей семьей, в одном доме собиралось по семь, по восемь семей, и всем хватало места.

Гостей за столом обыкновенно обносили бражкой, водки покупали разве что бутылочку. Обед бывал незамысловатым, но обильным – мясные щи или похлебка, окрошка, студень, каша, яичница. Бражкой обносили с разными присловьями, это был целый церемониал, когда хозяин или хозяйка потчевали, а гости, не желая выглядеть пьяницами, отказывались от угощения. Наконец, раскрасневшиеся от еды и питья гости затягивали песню, а потом всей гурьбой вываливались на улицу «выколачивать дробь».

Гостьба позволяла свидеться хотя бы три-четыре раза в год всем родственникам, поэтому каждый с молодых лет знал и помнил род свой.

Всякому празднику и всякому периоду до него и после него были свойственны свои обряды и обычаи. Вот пройдет Рождество, придут Святки, и по улице из дома в дом с шутками и прибаутками, с песнями, с гармонью, а то с балалайкой пойдут колобродить ряженые.

Женщины обыкновенно наряжались в мужское, да посмешней, почудней. Напялят вывернутый наизнанку шубник, полосатые дедушкины штаны или даже кальсоны, приклеят усы и бороду из льняной кудели, щеки нарумянят разрезанной свеклой, брови подведут углем. Мужики, наоборот, повяжут на голову платок или шаль, вырядятся в

сарафан или юбку. Вот в таких пестрых нарядах веселая компания, придя в дом, плясала, пела частушки.

Ряженные нередко разыгрывали какие-нибудь комичные сцены. Прихватят, скажем, с собой лестницу, ведро воды, спринцовку и с криками «Пожар, пожар!» начнут поливать этой спринцовкой и стены, и хозяев дома. Или вот еще сцена. Один изображает тонущего в реке, лежа на полу, истосно вопит: «Тону, тону!». Другой же, снимая с себя семь одежек одна другой дырявей, приговаривает: «Погодь, погодь, товарищ! Щас помогу». После спектакля артистам подносили по стаканчику бражки

В это же время бывали и гаданья. Девицы на выданье, собравшись в чьей-нибудь избе, гадали перед зеркалом со свечой. Гадали больше в шутку, чем всерьез, и все равно — как зажигались глаза, как загорались, как пламенели щеки!

Вообще зимние месяцы мясоеда были временем всяческих развлечений, и одним из развлечений были вечерки. Вечеринки устраивались по очереди то в одном доме, то в другом, а если родители по каким-то причинам возражали, то приходилось нанимать чужую избу. Перед вечеринкой устраивалась складчина, небольшое угощение с красненьким винишком. Танцевали и плясали на вечерках «простую», «подыспань», «краковяк», «елецкого», пели знаменитую «Семеновну» и «сормача».

Сложив одежду, платки и шапки куда-нибудь на полати, молодежь рассаживалась на расставленные вдоль стен скамейки. Как только начинались танцы — пляски — двое — парень и девушка — отправлялись, прихватив ремень, в потайное место, обычно за перегородку к печке. Вход туда был занавешен одеялом, и заглядывать за него не разрешалось. Немного пошептавшись для виду, парень выходил и легонько ударял ремнем по заднему месту другого, кого просила пригласить девушка, и этот другой с ремнем уже шел в

закуток. Затем выходила девушка и таким же образом приглашала названную парнем товарку. Так в течение вечера каждый имел возможность переговорить, объясниться с тем, с кем хотелось.

Немало забав и озорства на Святочной неделе было и у ребят. Фантазии, выдумки на проказы было хоть отбавляй.

В оболочке от выпотрошенной тыквы вырежут дырки – глаза, нос, рот – вставят внутрь свечку и, предварительно постучав, показывают этого «монстра» в окна то в один дом, то в другой.

А то воткнут булавку в раму окна снаружи, с улицы, к нитке с одного конца привяжут гаечку, а другой конец пропустят сквозь ушко булавки. Отойдут с этой ниткой подалее, спрячутся. За нитку – дерг-дерг, гаечка в окошко боть-боть. Хозяева выйдут – никого. Через какое-то время опять за ниточку – дерг-дерг. И так до тех пор, пока хозяева не догадаются и не обрушатся на ребят с руганью.

На масляной неделе вся орава ребят собиралась на задворках и разводили большущий костер, потом озорничали около него, перепрыгивали через огонь. Для костра во дворах, в чуланах, на чердаках и в огородах собиралось все старье, весь хлам – худые корзинки, поломанные санки, гнилые доски. Причем ребята с соседней улицы норовили красть втихаря эти запасы для своего костра.

Игры и забавы каждый день были все новые и новые, и о них хочется сказать особо.

В старом Чкаловске был Дом пионеров, под него было отведено одно из лучших зданий – бывший дом купца Малыгина. Там были всяческие кружки, и должно быть, туда кто-то ходил, но ребята нашей округи как-то не любили играть в шашки-шахматы и в разные настольные игры, а с детства привыкли играть на улице. И на той же Малыгиной горе, где стоял Дом пионеров, зимою катались кто на чем –

на самокатах, на санках, на каталках, сделанных из железного прута, на лыжах и коньках, на худой конец, на куске фанеры.

За всякий день мальчишки, едва сделав уроки, высыпали на улицу. Затевалась игра в «чур, не мне», в прятки, самодельными клюшками резиновым мячом играли в хоккей. Насмотревшись фильмов о Робин Гуде, о пиратах, сражались самодельными саблями и мечами. Удивительно, как только оставались целыми глаза.

Но, конечно же, самой любимой была игра в войну. Перед игрой из всей собравшейся ватаги выбирались двое ребят, что были постарше. Они были «матками». А остальные, выбрав себе пару по возрасту, отходили в сторонку и «загадывались», договаривались, ты будешь «елкой», я – «березой», или ты будешь «олово», я – «медь». Потом эта пара подходила к «маткам», и те уже выбирали – кому «олово», кому – «медь». Таким образом, получались две команды с примерно одинаковыми силами. Затем одна команда шла укрываться в засаду, другая, немного выждав, шла в нападение. Для игры в войну в глубоких челках снега на задворках прокапывали траншеи, окопы, делали винтовки, автоматы и наганы. Все это выпиливалось, потом выстрагивалось ножиком. Ножик у каждого мальчишки был предметом первой необходимости, и десяти-двенадцатилетний пацан мог сделать им очень многое – лук и стрелы, свисток, кораблик, змея, и так далее.

В школе играли на шалбаны в перышки, в жестку, в чехарду. По дороге домой играли замерзшим шариком конского навоза. Тот, кто «водил», должен был, пиная шарик, попасть в кого-нибудь из игравших, и тогда уже «водить» начинал он.

Но вот приходила весна, и с ней приходили другие игры. Еще и земля не успеет просохнуть, а на задах улицы,

на пригорке, затевалась игра на деньги, «в чеканку» или в ножички, «в зубари». Играли на деньги «в стенку», играли в чижик, в городки, в «попа-гоняло».

Перечисление одних названий игр может о чем-то сказать лишь тем, кто в них играл. А так – сейчас они напрочь забыты. Неплохо было бы рассказать, что они из себя представляли, но это заняло бы довольно много места.

Летом, конечно же, часто играли в футбол. Когда на латаной-перелатанной камере не оставалось живого места, кожан набивали тряпьем и играли вот таким мячом. Но были и такие забавы и игрушки, которые, мягко говоря, не встречали поддержки у родителей. Мальчишки делали из противогоазной резины рогатки, из найденных на свалке МТС медных трубочек – пугачи и поджигалки, играли в карты «в очко»...

И все же, хорошими или плохими были наши игры, но они почти всегда были подвижными. Они развивали ловкость, смекалку, смелость. Почти все игры были коллективными, причем ребячий коллектив был разновозрастным, и это с малых лет приучало ладить с окружением, жить не одними собственными интересами. И не только младший «уважал» старшего, но и старший опекал, оберегал младшего от излишнего узурпаторства.

Игры были школой, подготавливавшей маленького человека к большой, взрослой жизни.

Щи да каша – пища наша

Ну, а теперь посмотрим, каким был стол василевского обывателя, что ели-пили.

Жители с хорошим достатком, должно быть, кушали неплохо, но таких в военные и послевоенные годы были единицы. А так – не в редкость были семьи, у которых за

ужином на столе стоял лишь чугунок с картошкой «в мундире» да ржавая килька на газетке. Не напрасно же пелось: «Картошечка, картошечка, какая тебе честь! Кабы не было картошечки, чего бы стали есть?».

По весне и картошечка кончалась, и не успеет стаять снег – шли перекапывать ее на колхозное поле. Осенью перекапывать не давали, не разрешали. И вот эту пролежавшую всю зиму в земле, перемерзшую, жидкую и вонючую, как грязь, картошку которую называли «трахмал», как-то перемывали и пекли из нес лепешки.

Но не будем вдаваться в крайности, а посмотрим на стол жителя средней руки, а главное – не ленивого, кто летом на Горе не гулял, семечки не щелкал, а делал на зиму какие-никакие запасы.

Конечно, у тех, кто жил на Базаре, да даже и в Подлужье, огородики были крохотные, а то, так не было и совсем. Но зато почти у каждого была хоть немудрящая да лодчонка, а с лодочкой и рыбки наловишь, и за грибами-ягодами за Волгу съездишь. Желаящим выделялись опять же участки для посадки овощей.

На отдаленных от Базара улицах огороды были уже не маленькие, а на тех, что когда-то были деревнями, земли хватало не только себя прокормить, а и скотину держать, уж если не корову, так козу, поросенка, кур, гусей. И вот при усадях порою в 25 соток, брали еще на острове участки под капусту.

Капусты на зиму заготавливали много. Привезенные с острова кочаны бывали так крупны и крепки, что аж крякали под ножом, когда их располовинивали перед рубкой. Рубили капусту в больших деревянных корытах, поставленных прямо на пол. У тяпок-сечек были длинные черенки для того, чтобы можно было тять стоя. Рубили двумя тьяками сразу, в каждой руке по тьяке. Между делом можно было

схрупать капустный пласт или сочную кочерыжку. И целый-то день стоял в доме веселый перестук!

Квасили капусту в бочках или кадках, а перед этим их обязательно запаривали с «мужжухой», то есть с можжевельником. В кадку клали несколько веточек можжевельника с синими ягодками, заливали их колодезной водой, а потом опускали туда раскаленный докрасна камень или железяку. Белый пар тут же выскочит столбом, вода забурлит, заклоочет, и после этого в бочке ну ни одного-то микроба не остается. Потом можжевельниковый дух от бочки передавался капусте и придавал ей тонкий, пряный аромат.

Капусту квасили на разные лады. «Серая» – это из верхних зеленых листьев, «белая» – из самого кочана. Делали ее еще и шинкованной – с морковью и свеклой, и пластовой – нарезанной крупными кусками.

В кадушках поменьше размером солили огурцы и помидоры, грибки – рыжики, волжанки, белые, груздочки. В кадушках же мочили с ржаной соломой и мукой антоновские яблоки. Мариновать в стеклянных банках – этого в заводе не было.

В подполье на зиму засыпались свекла, морковь, калина, репа. Дома под кроватью лежали, ожидая своего часа, пузатые дыни – так у нас называли тыкву. У заботливой хозяйки всегда бывало запасено на зиму с полдюжины связок сушеных грибов, сварено хотя бы два-три жбанчика варенья, засушено яблок, лесной ягоды. На чердаке в мороз набирались сласти – калина, рябина, клюква. Приходила зима-прибериха, и все запасенное шло в ход.

Конечно, при той скотине, что стояла на дворе, и мяса и молока хватало бы, если уж не на весь год, то, во всяком случае, на зиму-то наверняка, если бы не драконовские разнарядки – обязательства по сдаче государству молока, мяса, яиц и шерсти независимо от того, есть эта шерсть или

нет. От коровы надо было сдать чуть не половину удоя. Вырастет теленок, поросенок – опять половину сдавай. Да ведь что-то надо было снести и на базар, чтобы поддержать семейный бюджет. Так что мясо за всякий день оковалками не ели.

И все же в начале зимы варево пустым не бывало. На обед – то похлебка, то лапша с гусятиной, то щи со свиной. На ужин – тушеная картошка с салом, а то каша со шкварками. Тушили картошку и с гусяком, то есть с ливером, с почками печенкой. Нельзя тут не вспомнить и еще об одном блюде, которого не доводилось больше попробовать с самого детства, – это картошка, тушенная с бараньими кишками. Обросшие жиром кишки промывались в нескольких водах, но запахок все рано немного оставался, он-то и придавал пикантность и своеобразие этому блюду.

Из телячьих, из свиных ножек да из головизны варила мать студень, или холодец. Нет-нет, да пшеником, лапшевником или сухарницей побалуует, все это делалось на молоке, с яичком и обязательно в глиняной плошке.

В праздник непременно пеклись и пирог, и ватрушка, и плюшки-витушки. Хорош бывал пирог-рыбник с трескою. Треска была сравнительно дешевой рыбой. Те, кому была доступна рыба речная, судак да стерлядка, ее, треску, и за рыбу не считали, а когда появилась камбала, то поначалу на нее, как на лягушку, и глядеть-то брезговали. Но не только с рыбой, а и с любой другой начинкой – с ливером, с морковкой, на худой конец, и с картошкой – горяченький пирог был вкусен, а смазанный гусиным перышком, обмакнутым в топленое масло да с холодным, вынутым из подполья молоком, был просто объеденьем.

Но вот пройдет мясоед, пройдет масленица, и приходит Великий пост. К этому времени уж всем гусям головы пооттяпали, и остатки поросенка кончились. Вот тогда-то

приходилось хозяйке применять немало изобретательности и выдумки, чтобы прокормить семью, а они были немалыми – пять-шесть человек – обычное дело.

Каждый день пустые щи есть быстро надоест, но если сушеные грибки есть, то с ними хоть похлебка, хоть лапша очень даже хороши. Было еще и такое варево – гороховая похлебка. Это густое блюдо – ложка стоит! – из разварного, хорошо упревшего в печке гороха ели сдобренным льняным или подсолнечным маслом с мелко накрошенным луком.

На ужин к разваристой, горячей картошке принесут из погреба шинкованной или пластовой капусты с ледком, в капусту опять же льняного маслица польют. Вкусно! В другой день из погреба достанут то грибков, то огурцов с помидорами.

Большой популярностью пользовались в такие дни парешки. В огромный чугунок закладывалось понемногу всего того, что имелось в подполье, – и свекла, и морковь, и брюква, и репа. Положат и тыквы, и даже луку, а потом это «ассорти» ставилось париться-тушиться в вольную печь. Час, другой постоит, и вот ломти тыквы становятся коричневыми, рассыпчатыми, а свекла – аж черной.

Поставит мать этот чугунок на лавку «в упечи», то есть в загородке у печки, где обычно стряпня идет, и ребята целый-то день вокруг него крутятся, уписывают парешку. С тяжелой пищи и сны тяжелые снятся, с легкой – и в теле, и на душе легко. И еще – уж больно стул с парешки бывал хорош, долго-то в животе не держалась. Пицца, даже самая простая, в два раза становится вкусней, если она приготовлена добрыми руками да с выдумкой. Кисели – гороховый, овсяный, картофельный, клюквенный – варили в специальных глиняных мисках – кисельницах с выдавленным на дне узором. Застывший, очень густой кисель, когда его опрокидывали на мелкую тарелку, сохранял форму рисунка, что был на дне.

И вот от этого приятного пустячка как бы уже и сам кисель становился вкусней. Кисель резали на кусочки – кубики, ели опять же с каким-нибудь растительным маслом.

Говорить о том, чем разговлялись на Пасху, не стоит, это общеизвестно. Но вот нельзя не упомянуть о таком идущем из глубокой старины обычае – печь весной на Сороки, на день памяти сорока мучеников Севастийских, жаворонков, а на Крестопоклонной неделе – кресты. Перед тем, как испечь жаворонка, жгут теста завязывался узлом, с одного конца лепился хвостик, с другого носик, вставлялись изюминки – глазки. Чего уж тут вроде бы хитрого, а сколько радости ребятне!

А с каким нетерпением ожидали мы той минуты, когда испекутся в печке и будут разделены кресты! Пока они лепились перед выпечкой, мать потихоньку от детей вкладывала в перекрестие то денежку, то нитку, то щепку, то перышко. Вот мы и ожидали предсказания своей судьбы. Попадется в испеченном кресте денежка – быть богатым, щепка – будешь столяром, плотником, строителем. Если нитка попалась – быть портнихой, если перышко – писарем.

Ну, и напоследок – буквально несколько слов об особенностях летней пищи. Летом с пропитанием проблем было меньше. В жару самым любимым хлебом была окрошка, ее называли «холодное», да еще холодный свекольник с крутым яйцом. Ушица, суп с клецками из рыбешки хотя бы и пойманной в Санахте, грибная похлебка, жареные грибы, взварец из яблок и ягод – вот обычное летнее меню. В качестве «питеры» под лавкой «в упечи» всегда стояла корчага с самодельным квасом. Да, вот еще – чуть не забыл. В паузину, то есть между обедом и ужином, делали на скорую руку мурцовку – тюрю с накрошенными в воду хлебом, луком и огурцом.

Говор. Наряды

У василевских жителей был свой особый выговор, ни с каким другим не спутаешь. Были свои характерные словечки, своя манера произношения слов. Говорили «ковда», «товда» вместо «когда», «тогда», «туды», «сюды» вместо «туда», «сюда», «оне», «одне» вместо «они», «одни». Звук «о» часто заменялся на «у». «Пошла в угород-от, сорвала угурец-от, а он горькущей».

В таких глагольных формах, как «ходите», «глядите», «сидите», окончание произносилось как «е» с двумя над ним точками и с ударением на этом последнем слоге. Очень забавно это звучало в частушках. Девки пели так:

Ребятишки, ребятё,
Где вы денег беритё?
По базару ходитё,
Чугунки воруйтё!

Парни им отвечали:

Что вы, девки, сидите,
Свое губушки жмитё?
Придет время, на бревне
Сидеть будитё одне!

Васильчанин не скажет «питье», а скажет «питера», не скажет «еда», а скажет «ежа» с ударением на «е». О прошедшем времени говорилось «даве», о настоящем – «ноне». Часто употреблялось совсем уж странное слово – «кольно», по-видимому, в значении «тогда»: «Пойдём, кольно!».

А сколько изобретательности и творчества вкладывалось в замысловатые, кудрявые ругательства! Бывало, в иной семье какое-нибудь из чад провинится, и мать его костерит во все лопатки: «Штобы ты приподнял да розорвал

приткой-ту! Плюнуть те в харю-ту, штобы зашипело! Глазыньки штобы мое на тя не глядели! Вот возьму полено-то да переяголю! Хал ера, прах тя возьми! Еретик ты, в неугодны часы зарожденый!». Такой монолог бывал порой весьма продолжительным.

Бабы, особенно в зимнее время, когда дел было поменьше, любили ходить друг к другу, как тогда говорилось, «погулять», поточить лясы. В такие минуты всё переберут, и хорошей новостью поделятся, и горем. А речь – опять заслушаешься.

«Из гостей-ту прихожу, мила ты моя-та, гляжу, а поросенок-от издыхат!»

«А, ба!»

«Дак вить, матка, не то, чтобы хворат, а совсем издыхат!»

«А, ба!»

«Я ево Борька, Борька! А уж мой Борька и дух испускат!»

«А, ба!»

А то вот еще – стоят бабы в очереди за хлебом или за мукой, и одна у другой спрашивает:

«Ты, Марья, колька?»

«Писят шоста. А ты колька?»

«Семисят девята».

Чтобы не спутать очередь, на ладонях тогда писали номера химическим, или как еще называли, чернильным карандашом. Вопрос «колька?» означал – «сколькая», «которая», то есть, какой у тебя номер.

На Базаре среди торговок и торгашей сразу же можно было различить приехавшего со стороны чужака. Жители ковернинских деревень – вроде бы далеко ли? – а «баяли» уже по-другому. Их называли калугуры, и говор их был похож на кудахтанье курицы, каким она оглашает двор пе-

ред тем, как снести яйцо. Звук «щ» у них часто превращался в «ш»: «Робята-то здоровушшы, руки-то длиннушшы».

По выговору можно было отличить и «пучежан». Слова «чашечка», «ложечка» они произносили так, как пишется, а не по-общепринятому – «чашэчка», «ложэчка».

А теперь давайте пройдемся по Базару и поглядим во что же одевались-рядились жители поселка.

Облачение было самым разнообразным и зависело, как бы сейчас сказали, от социального положения человека. В базарный день среди прочей публики еще не в редкость было встретить деда-закоренка с окладистой бородой, стриженного «под кружало», в полотняном картузе, в косоворотке, подпоясанной ремешком. Прямо-таки персонаж из пьесы Островского!

А вот служащие затона, работники водного транспорта щеголяли среди мужичья – деревенщины в синих кителях с ярко надраенными латунными пуговицами, в фуражках с кокардами. Знай наших!

Кто-то за неимением другой одежды донашивал то, в чем вернулся с фронта – линялую гимнастерку, выдавшую виды шинель. Полувоенную форму одежды – френч, галифе – но только пошитую уже по заказу, любили носить руководящие работники. Это как бы придавало весу.

Ну, а прочая публика ходила кто в чем. У парней самым обычным был такой прикид – рубашка «апаш» с выложенным на пиджачок воротником, брюки-клевш полуметровой ширины и восьмиклинка кепочка.

У девиц в моде были крепдешины и крепжоржеты самых ярких расцветок, зимой – плюшевые жакеты и козепуховые пензенские платки и шали. Одно время и у девиц и у парней писк моды были кубанки, шапки с каракулевым околышем и шерстяным верхом, а пошло это не иначе, как после знаменитого фильма «Кубанские казаки».

Женщины средних лет и пожилые, отправляясь на Базар, в летнее время повязывали голову легким белым платком, в межсезонье – платком шерстяным, а в лютые морозы поверх платка накидывалась большая и теплая шаль с кистями, она закалывалась у подбородка булавкой. Старухи носили юбки в пол, бумазеевые кофты, поверх юбки иногда и фартук.

Зимой уважающий себя человек в валенках на Базар не пойдет, а наденет чесанки с галошами. Голенища мягких, шелковистых чесанок подвертывались у колен в два раза – раз вниз да другой опять вверх.

Щеголи и щеголихи франтили в бурках, шитых из белого фетра и обсоюженных по низу хромом сапогах. Ну, и, конечно же, каждый человек, пусть даже и не ахти какого достатка, стремился пошить себе хорошие хромовые сапоги. У девушек, у молодых женщин это были изящные сапожки на каблукке. Парни набирали голенища хромачей «в гармошку», или «всмятку».

У начальника милиции сапоги были со скрипом, и при ходьбе они крякали, как встревоженные утки. Чтобы сапоги скрипели, при их пошиве между подошвой и стелькой вкладывались два кусочка смоченной керосином бересты.

В межсезонье, в сырую дождливую погоду на Базар ли, и гости ли, по другой ли какой надобности, выходя на улицу, обували ботинки с галошами. И это было очень удобно - и ноги не промочишь, и обувь не мокнет, значит, целее будет, и, приходя в гости, можно было, сняв галоши в прихожей, пройти в комнаты без всяких домашних тапочек.

В летнюю пору самой распространенной обувкой были хромовые тапочки. Мягкие, удобные, легкие, как перышко, они надевались прямо на босу ногу.

Удивительно, как на протяжении всего-то каких-нибудь пятидесяти лет в корне изменилась вся жизнь

людей, отмерли, навсегда ушли старые обычаи, привычки, старый быт. Многие слова навовсе исчезли из обихода. Речь какого-нибудь политика или делового человека без переводчика и понять-то трудно, на одну четверть она состоит из американизмов, на другую – из блатной «фени», а остальная половина сера и несуразна. Пища, питье, одежда – все из-за «бугра» в основном.

В русском человеке ничего уж почти что и не осталось от русского, и даже более того – в человеке все меньше и меньше остается человеческого. Отчего все это? Да оттого, что обрублены корни, сохнет и гниет дерево жизни.

Так для чего же написаны эти заметки? А для памяти. Для нашей памяти. Нельзя же все забывать.

И потом... Бывает так – лежат желуди в земле десять, двадцать лет. Пройдет и сто лет. И вдруг неизвестно по какой причине прорастут желуди, и поднимается в рост на этом месте дубовая роща.

Так что не исключено, что прорастут все же когда-нибудь семена русского дерева Добра, Правды, Красоты.